

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.2>UDC 903'15(470.5)
LBC 63.442.7(235.55)-3Submitted: 18.07.2025
Accepted: 06.08.2025

STEPPE – FOREST-STEPPE SYSTEM IN FORMATION OF THE SOUTHERN URAL NOMADIC CULTURE IN THE MID – SECOND HALF OF THE 1st MILLENNIUM BC: A PROSPECTIVE AFTER 50 YEARS

Nikita S. Savelev

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. Like any science, archeology relies on sustainable concepts, most of which were formed decades ago. Therefore, these concepts can be used only through the lens of contemporary critical analysis subject to continuous adjustments. One of the key concepts of the Southern Ural nomadic world in the mid-1st millennium BC is the “migration” concept formulated by M.G. Moshkova in 1974 and significantly developed in the works of subsequent decades. Through the next decades, this concept significantly evolved. All in all, this concept boils down to the idea that the Transural forest-steppe people (and the Gorokhovo culture people in the first place) were number-one influencers for the Southern Transural Sauromatian nomads. This influence transformed the traditions and led to the formation of the “Common Sarmatian Prokhorovka Culture.” The analysis reveals that this concept fails to explain transformations in the Southern Ural nomads’ culture in the middle to second half of the 1st millennium BC because nomads had entered the Transural forest-steppes long before the Gorokhovo Culture emerged. The 5th – 4th centuries BCE nomadic burials in the Southern Ural reveal “steatitic” ceramics. Originally it didn’t belong to the Gorokhovo Culture. Instead, it is associated with the Itkul area’s southern extremity in the Ural Eastern piedmont, where, at the stage of the Itkul Culture’s formation from a post-Mezhovka basis under Sargary and Barkhatovo influences, a bright and very distinctive “early Gafury” ceramic complex emerged. The research shows that the Gorokhovo Culture in the Transural forest-steppe cannot be dated earlier than the mid-300s BC. There the Gorokhovo Culture was forming through nomads relocating north and merging with the local indigenous forest-steppe people. These data prove that the new traits in the Southern Transural nomads in the 400–300s BC are solely associated with their peripheral location in the Ural-Volga nomadic world and their wide networking (exogamic marriages) with the Ural eastern piedmont people. Thus, at the turn of the Scythian and the Sarmatian eras, the nomadic culture was transforming due to the processes inside the nomadic community. In particular, a transformation driver was an emerging and collapsing social stratification revealed by Filippovka 1 “royal” necropolis.

Key words: Southern Ural, Scythian and Sarmatian era, interactions between nomads and forest-steppe people, Gorokhovo Culture, formation of the Prokhorovka Culture.

Citation. Savelev N.S., 2025. Sistema «step’ – lesostep’» v formirovaniyu kul’tury kochevnikov Yuzhnogo Urala serediny – vtoroy poloviny I tys. do n.e.: vzglyad cherez 50 let [Steppe – Forest-Steppe System in Formation of the Southern Ural Nomadic Culture in the Mid – Second Half of the 1st Millennium BC: A Prospective After 50 Years]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 21–47. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.2>

УДК 903'15(470.5)
ББК 63.442.7(235.55)-3Дата поступления статьи: 18.07.2025
Дата принятия статьи: 06.08.2025

СИСТЕМА «СТЕПЬ – ЛЕСОСТЕПЬ» В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э.: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ

Никита Сергеевич Савельев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Как и любая наука, археология основывается на устойчивых концепциях, большинство из которых сформировалось десятилетия назад. Их использование возможно только через своевременный критический анализ и постоянные корректировки. Одной из ключевых концепций развития кочевого мира Южного Урала в середине I тыс. до н.э. явилась «миграционная» концепция, сформулированная М.Г. Мошковой в 1974 г. и получившая значительное развитие в работах последующих десятилетий. Суть ее в итоговом виде сводится к приоритетной роли населения лесостепного Зауралья (в первую очередь – носителей гороховской культуры) в воздействии на кочевников Южного Зауралья «савроматского» времени, что привело к трансформации их традиций и формированию «общесарматской прохоровской культуры». Анализ данной концепции показал, что она не может объяснить причины трансформации культуры кочевников Южного Урала середины – второй половины I тыс. до н.э., так как проникновение кочевников в Зауральскую лесостепь началось задолго до формирования гороховской культуры. Появившаяся в кочевнических погребениях V–IV вв. до н.э. Южного Урала «тальковая» керамика по своему происхождению является не гороховской, а связана с южной оконечностью иткульского ареала в восточных предгорьях Урала, где на этапе формирования иткульской культуры из постмежовской основы под саргаринским и бархатовским влиянием возник яркий и очень своеобразный «раннегаурийский» керамический комплекс. Также показано, что сложение гороховской культуры в Зауральской лесостепи не может быть датировано ранее середины IV в. до н.э. и проходило вследствие наслаждения переселявшихся на север кочевников на местное лесостепное население. Эти данные позволяют говорить о том, что появление новых черт у кочевников Южного Зауралья в V–IV вв. до н.э. связано исключительно с их периферийным положением в рамках кочевого мира Урало-Поволжья и широким развитием контактов (вероятно, экзогамных браков) с населением восточных предгорий Урала. Причинами трансформации культуры кочевников на стыке скифской и сарматской эпох, таким образом, являлись процессы, протекавшие внутри кочевого общества, связанные со сложением и разрушением стратифицированной социальной системы, известной по «царскому» некрополю Филипповка 1.

Ключевые слова: Южный Урал, скифо-сарматское время, взаимодействие кочевников и лесостепного населения, гороховская культура, формирование прохоровской культуры.

Цитирование. Савельев Н. С., 2025. Система «степь – лесостепь» в формировании культуры кочевников Южного Урала середины – второй половины I тыс. до н.э.: взгляд через 50 лет // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 21–47. DOI: <https://doi.org/10.15688/navjvolsu.2025.4.2>

Введение

В 2024 г. исполнилось полвека со дня выхода монографии Марины Глебовны Мошковой «Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры» [Мошкова, 1974]. Несмотря на свой небольшой объем, эта работа стала одной из основополагающих в отечественном сарматоведении, в первую очередь – для исследователей, работающих по южно-уральской проблематике. Можно уверенно говорить о том, что она легла в основу современной концепции взаимодействия степного и лесостепного населения на северо-восточной периферии кочевого мира Южного Урала и, в определенной степени, даже в основу общей концепции трансформации кочевнической культуры скифского времени (так называемой савроматской) в раннесарматскую (прохоровскую).

Монография М.Г. Мошковой появилась в период самого начала накопления источников базы по кочевническим памятникам Южного Зауралья (обобщающая работа А.Х. Пшенич-

нюка, в которой основную часть составляли памятники Зауральской Башкирии, была опубликована только через 10 лет [Пшеничнюк, 1983] и явилась, по сути, попыткой автора разобраться в причинах появления на этой окраине кочевого мира Урало-Поволжья инокультурной «тальковой» керамики, имевшей внешнюю близость с материалами лесостепного Зауралья. Отмечу также, что на рубеже 1960–1970-х гг. изучение зауральских лесостепных древностей эпохи раннего железа находилось в той же начальной стадии, когда формулировались первые гипотезы и систематизировался крайне немногочисленный и разрозненный материал (см.: [Стоянов, 1973]).

Учитывая значимость сформулированных в 1974 г. положений, целью настоящей статьи является анализ концепции М.Г. Мошковой (в части взаимодействия степного и лесостепного населения) с точки зрения современной источниковской базы и имеющихся реконструкций, задачи работы – анализ отдельных положений, на которых была построена рассматриваемая концепция. Аналогичная

работа, проделанная Л.Т. Яблонским в отношении концепции А.Х. Пшеничнюка, опубликованной им в монографии 1983 г., показала несомненную важность такого анализа [Яблонский, 2016].

Концепция М.Г. Мошковой и ее дальнейшее развитие

Исходя из четырехчленной схемы сарматских древностей Б.Н. Гракова (савроматская / блюменфельдская, савромато-сарматская / прохоровская, сарматская / сусловская и аланская культуры / ступени) [Граков, 1947, с. 103–106], М.Г. Мошкова, оперируя как результатами своих раскопок в южной части Зауралья (могильники Новый Кумак и Аландское), так и всеми известными к тому времени материалами, обратилась к вопросу формирования следующей за савроматской / блюменфельдской культуры – раннесарматской / прохоровской. Традиционно и совершенно оправданно рассматривая раздельно запад и восток Урало-Поволжья, М.Г. Мошкова показала, что в IV в. до н.э. в Поволжье шла достаточно плавная эволюция традиций предшествующего времени, а на Урале этот процесс был осложнен рядом внешних факторов. Формулируя общие признаки прохоровской культуры, автор постоянно акцентирует внимание на том, что новая культура на Южном Урале формируется к концу IV в. до н.э., а на протяжении этого столетия идет процесс достаточно быстрого изменения погребальной обрядности (смена широтных ориентировок на южную, распространение узких и подбойных погребений, погребений с заплечиками, подсыпки мелом дна могильных ям, постепенное появление деревянных гробов, изменение состава заупокойной пищи и т. д.) и материальной культуры (появление новых типов зеркал, клинкового оружия, распространение копий, эволюция типов бронзовых втульчатых наконечников стрел и появление железных черешковых наконечников, смена савроматских плоскодонных сосудов на круглодонные с богатой орнаментацией, распространение примеси талька в глиняном тесте сосудов и т. д.) [Мошкова, 1974, с. 11]. Также автор постоянно отмечает, что многое в погребальной обрядности прохоровской культуры является «наследием

савроматских традиций» (широкие прямоугольные ямы, дромосные погребения, коллективные захоронения), но к концу IV в. до н.э. они исчезают [Мошкова, 1974, с. 17].

Не детализируя восточные и южные связи (Казахстан и Средняя Азия), для анализа которых в 1970-е гг. практически отсутствовала информация, автор важнейшим направлением взаимодействия кочевников с внешним миром в середине I тыс. до н.э. видела северо-восточное – Зауральскую лесостепь, население которой приняло самое активное участие в формировании раннесарматской (прохоровской) культуры. По ее мнению, «тальковый комплекс» керамики, отличающейся не только примесью в тесте, но и круглодонными формами и богатой орнаментацией, происходит из Зауральской лесостепи, а точнее – напрямую связан с гороховской культурой, хотя в орнаменте близость проявляется в самых простых элементах [Мошкова, 1974, с. 32, 37, рис. 10]. Ее общий вывод следующий: «Нам представляется, что керамика гороховской группы сыграла решающую роль в формировании прохоровской круглодонной тальковой посуды», при этом речь должна идти не столько о каком-то перемещении глиняных сосудов, сколько о перемещении людей: «...сложение прохоровского керамического комплекса и являлось результатом слияния двух групп населения – племен зауральской лесостепи (главным образом гороховской группы) и «савроматов» Южного Приуралья...» [Мошкова, 1974, с. 47, 48].

Помимо керамики, по мнению М.Г. Мошковой, о значительном и «деятельном участии в формировании прохоровской культуры» лесостепного населения свидетельствует большое количество мечей и кинжалов так называемого «переходного» типа, которые за пределами кочевнической территории «найдены только в районах лесостепных и даже лесных культур раннего железного века Зауралья» и очень ранние зеркала с широким валиком по краю [Мошкова, 1974, с. 24, 27]. Отдельные районы на севере расселения кочевников и юге расселения лесостепного населения (так называемые «Челябинские курганы») рассматривались ею как заселенные смешанным населением [Мошкова, 1974, с. 33]. Опираясь в том числе на мнение В.Е. Стоянова, выска-

занное им в 1960-е гг., о расширении в IV в. до н.э. ареала гороховской культуры на запад, вплоть до восточных предгорий Урала [Мошкова, 1974, с. 30–31]. М.Г. Мошкова формулирует самый главный вывод своей работы – концепцию «гороховской экспансии на юг». По ее мнению, именно экспансия населения гороховской культуры «на юг, в земли савроматов» и трансформировала традиции кочевого субстрата, дав ему своеобразную окраску, ярко проявившуюся в археологическом комплексе прохоровской культуры [Мошкова, 1974, с. 38].

Таким образом, «создание прохоровского археологического комплекса происходило в недрах самаро-уральского варианта савроматской культуры» [Мошкова, 1974, с. 47], но значительная часть его специфики (рассмотренные выше элементы материальной культуры, а также такой признак погребального обряда, как дромосные погребения, которые вслед за К.В. Сальниковым и К.Ф. Смирновым интерпретировались как подражания жилищам лесостепного зауральского населения) имеет именно зауральское лесостепное, а точнее – гороховское, происхождение.

В вышедшей спустя девять лет монографии, посвященной раннекочевническим памятникам южной Башкирии, А.Х. Пшеничнюк, отталкиваясь от взглядов М.Г. Мошковой, заострил внимание на том, что для зауральских могильников, вытянутых узкой полосой вдоль восточного склона Урала, корреляция типов сосудов (круглодонные с тальком богато орнаментированные – прохоровские, грубые плоскодонные – савроматские) и ориентировок погребенных (южная – прохоровская, широтная – савроматская) практически не работает. Выявленное сочетание признаков показывало значительно большую сложность, чем, например, в более западных (Предуралье) памятниках [Пшеничнюк, 1983, с. 78–82]. Это позволило А.Х. Пшеничнюку говорить о том, что, с одной стороны, в Южном Зауралье можно выделить «особый локальный вариант или даже самостоятельную археологическую культуру, родственную савроматской и одновременно близкую лесостепным культурам Зауралья в широком смысле (иткульской, воробьевской, гороховской)», с другой – что появление прохоровских черт в среде кочевников Южного Зауралья должно быть от-

несено к «довольно раннему времени – не позднее конца VI – V в. до н.э.» [Пшеничнюк, 1983, с. 83–84]. Последнее заключение автора будет иметь принципиальную важность для всех последующих аналитических работ по культурогенезу ранних кочевников Южного Урала (см., например: [Яблонский, 2016, с. 96–97]), но напрямую к теме настоящей статьи оно не относится.

Говоря о связях с лесостепным Зауральем, А.Х. Пшеничнюк считал, что активное освоение кочевниками этой территории началось уже в VI–V вв. до н.э. и «кочевники вступили в непосредственный контакт с оседлыми племенами». Однако позиция автора по взаимодействию степного и лесостепного населения диаметрально противоположна взглядам М.Г. Мошковой – по мнению А.Х. Пшеничнюка, «в процессе формирования прохоровской культуры более активная роль принадлежала, очевидно, кочевым савроматским племенам». Форма этого взаимодействия видится им исключительно как ассимиляция: «Участие лесостепного зауральского населения в формировании прохоровской культуры следует понимать, по-видимому, не столько как продвижение оседлых зауральских племен на запад, сколько как ассимиляцию их кочевым савроматским населением и вовлечение затем в походы на запад» [Пшеничнюк, 1983, с. 127–128].

Б.Ф. Железчиков, занимаясь вопросами культурогенеза ранних кочевников Южного Урала и продолжая разработки А.Х. Пшеничнюка о единстве культуры кочевников VI–III вв. до н.э., отмечал, что «связи с севером и северо-востоком проявляются только в керамике и вряд ли свидетельствуют о миграции с этой территории» [Железчиков, 1987, с. 40].

Таким образом, в первые полтора десятилетия после публикации концепции «гороховской экспансии на юг» и стимулированной культурной трансформации в кочевой среде ключевое ее звено не было принято двумя специалистами-кочевниковедами – А.Х. Пшеничнюком и Б.Ф. Железчиковым. Изъятие из сформулированных М.Г. Мошковой положений самого факта «экспансии» не разрушало концепции 1974 г., но сильно ее изменяло, оставляя в ней всего лишь констатацию приоритетности связей не просто с «населением Зау-

ральской лесостепи», а именно с гороховской культурой. Против этого, в принципе, А.Х. Пшеничнюк и Б.Ф. Железчиков ничего не имели, так как данная проблематика уже далеко выходила за область их научных интересов. И если Б.Ф. Железчиков только касался данной темы, то А.Х. Пшеничнюк на основе корреляции большого массива данных достаточно убедительно показал, что речь должна идти не о пресловутой «гороховской экспансии», а о хаотичном и ситуативном появлении лесостепных элементов (точнее – собственно «несарматской» керамики в кочевнических похоронениях, на что и обращал внимание Б.Ф. Железчиков). Необходимо отметить и то, что в 1988 г. А.Д. Таиров и А.Г. Гаврилюк также четко разделили, с одной стороны, формирование прохоровской культуры, складывание которой шло на основе единого взаимосвязанного комплекса признаков элитарной культуры кочевников Южного Урала предшествующего, сарматского времени, и, с другой стороны, значительно более позднего (V – начало IV в. до н.э.) продвижения в Зауральскую степь носителей лесостепной гороховской культуры (принесших с собой тальковую керамику со специфической орнаментацией), которые «продвинулись и растворились в составе местного населения», а сама тальковая керамика достаточно быстро выпала из комплекса раннесарматской культуры [Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 152].

Эти взгляды не были учтены в защищенной в 1989 г. М.Г. Мошковой докторской диссертации – одним из районов происхождения «пришлых племен» на стадии формирования прохоровской культуры (наряду с Приаральем и Казахстаном) было названо лесостепное Зауралье и именно это переселение, а также изменение всей ситуации в Средней Азии, «как явились тем катализатором, который ускорил и главное помог оформить в новое качество те перемены, которые происходили уже в течение достаточно долгого времени внутри общества южноуральских кочевников» [Мошкова, 1989, с. 7, 31–32]. Говоря об особенностях прохоровского керамического комплекса, М.Г. Мошкова отмечала, что при «доминирующей близости с гороховской культурой» он представляет собой «органическое единение и местных, и пришлых черт при бес-

спорном господстве последних» [Мошкова, 1989, с. 29].

Взгляды М.Г. Мошковой, четко и емко сформулированные ею в 1974 г., были развиты и значительно расширены А.Д. Таировым, на протяжении последних почти 30 лет постоянно обращавшимся к этой проблематике [Таиров, 1998; 2009; 2016а; 2016б; 2019а; Таиров, Гуцалов, 2006; и др.]. Более того, сам факт культурного взаимодействия с лесостепным населением на северо-восточной периферии территории кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. рассматривался им как важнейший элемент в формировании «общесарматской прохоровской культуры» и предопределенности ее движения на запад. В концептуированном виде схема А.Д. Таирова, концептуально полно изложенная им в 1998 г. и в дальнейшем только дополняемая некоторыми деталями, охватывает порядка 200 лет динамичных событий, происходивших в Зауральской лесостепи и Южном Зауралье, имея постепенную тенденцию к перемещению на юг и юго-запад. Ниже перечислим основные положения этой схемы.

1) В связи с перенаселением в Зауральско-Западносибирской лесостепи в V в. до н.э. население саргатской культуры начало сдвигаться на запад и, встретившись в Притоболье с носителями гороховской культуры, сформировавшейся в V в. до н.э., часть их ассимилировало, а часть вынудило уйти западнее, ближе к восточным склонам Урала, в зону экономических интересов кочевников Южного Урала. 2) На этой территории гороховское население стало играть важную роль посредника между кочевниками, с которыми они создали военно-политический союз, и иткульскими металлургическими центрами. 3) В связи с продолжающейся угрозой с востока, здесь, на крайнем северо-востоке кочевого мира, начинает нарастать военизация (что приводит к широкому распространению клинового оружия и выработке новых его типов), часть гороховского населения переходит к кочевому скотоводству и вливается в состав кочевников Южного Зауралья (принеся, таким образом, свою традиционную керамику). 4) Перенаселение в Южном Зауралье и начавшаяся аридизация привели к необходимости миграции практически всего заураль-

ского населения в степи к западу от Уральских гор, в связи с чем окончательно и складывается «общесарматская прохоровская культура» – и именно в этом виде и по тем же причинам кочевники Степного Приуралья в конце IV – начале III в. до н.э. начали миграции на запад, что и привело к появлению прохоровской культуры в Поволжье. 5) Для носителей гороховской культуры участие во всем этом масштабном этнокультурном и этнополитическом «домино» привело к исчезновению культуры – большая часть населения ушла в степь, а оставшиеся были ассимилированы саргатской культурой [Таиров, 2019а, с. 202; Матвеева, 2019, с. 19, 30].

Эта масштабная историко-археологическая интерпретация, с одной стороны, вобрала в себя все имеющиеся к концу XX в. наработки по эпохе раннего железа Зауральско-Западносибирской лесостепи (В.Е. Стоянов, В.А. Могильников, Г.В. Бельтикова, Л.Н. Корякова, Н.П. Матвеева и др.), с другой – концепцию А.Х. Пшеничнюка – Б.Ф. Железчикова о единой культуре ранних кочевников Южного Урала VI–III вв. до н.э., в рамках которой места для савроматской культуры не оставалось [Пшеничнюк, 1995, с. 94] и которая впоследствии активно развивалась А.Д. Таировым [Таиров, 2009, табл. на с. 144].

Линейность и четкая сопряженность всех элементов, заложенная М.Г. Мошковой еще в концепции 1974 г. и далее развитая А.Д. Таировым, требуют анализа каждой из составляющих ее частей через призму имеющихся к настоящему времени археологических данных. Учитывая, что в целостном виде вся концепция М.Г. Мошковой – А.Д. Таирова является очень объемной и разноплановой, в настоящей работе основное внимание обращается только на элементы, характеризующие связи кочевников и населения Зауральской лесостепи и являющиеся ключевыми для формирования всей концепции.

Время и условия формирования гороховской культуры

Определяя время появления гороховских памятников V в. до н.э., М.Г. Мошкова опиралась на выводы В.Е. Стоянова, являвшегося первым исследователем, начавшим системно

изучать зауральско-западносибирские древности эпохи раннего железа. Ключевыми для определения ранней даты гороховской культуры стали погребение в кургане у с. Раскатиха и материалы селища Лужки I [Стоянов, 1973, с. 50–52, рис. 2, 3]. В первом комплексе (автор относит его к V – началу IV в. до н.э.), расположенным на крайнем востоке гороховской территории (правобережье Среднего Тобола), датирующими являются бронзовые наконечники стрел и литой бронзовый поясной крючок, во втором – фрагмент прямоугольного савроматского каменного жертвенника, найденный вместе с гороховской керамикой под упавшими сгоревшими стенами жилища.

Курган у с. Раскатиха. В колчанном наборе присутствовало 18 наконечников стрел, из них 1 – черешковый трехлопастной, 1 – трехлопастной с вытянутой треугольной головкой и наружной втулкой, 16 – трехлопастные дуговидной формы с внутренней втулкой [Стоянов, 1973, рис. 2, 1–4, 7]. Даже в степи Южного Урала массовое распространение наконечников стрел последнего типа начинается только с конца V в. до н.э. и захватывает весь IV в. до н.э., а ранее и позднее данного интервала эти наконечники очень немногочисленны [Куринских, 2011, с. 52–53, рис. 5; Савельев, 2021, с. 183–184]. Полное доминирование наконечников с внутренней втулкой не позволяет датировать погребение из Раскатихи ранее конца V в. до н.э., но более вероятно – где-то в пределах середины – второй половины IV в. до н.э. Подтверждает эту позднюю дату и поясной крючок, ранее относимый к «савроматским комплексам» [Стоянов, 1973, с. 52, рис. 2, 6] и рассматривавшийся как важный маркер архаичности данного погребения. Нахождение аналогичного крючка в кургане 1 могильника Гумерово 1 в островной Месягутовской лесостепи [Савельев, 2007, рис. 14, 7], который по обрядовым характеристикам ничем не отличается от остальных однокультурных памятников долины р. Ай¹, не позволяет его датировать ранее середины – второй половины IV в. до н.э. [Савельев, 2007, с. 113]. Бронзовая зооморфная так называемая «восьмерковидная» бляха (двулучевая свастика) из Раскатихи [Стоянов, 1973, рис. 2, 5] имеет очень близкую аналогию в погребении 1 кургана 8 могильника Мурзино I в

низовьях Исети, где она была найдена с черными кубическими стеклянными бусами с желтыми фестонами [Булдашов, Боталов, 2016, рис. 4,1, 4,5,7], что также подтверждает приведенную выше дату.

Лужки I. Нахождение в гороховском слое поселения фрагмента прямоугольного жертвенника [Стоянов, 1973, рис. 3,2], по мнению В.Е. Стоянова, указывало на «савроматский возраст раскопанного жилища» [Стоянов, 1973, с. 52]. В связи с этим М.Г. Мошкова делает заключение: «Следовательно, V век до н.э. должен быть включен в период существования гороховских памятников» [Мошкова, 1974, с. 32]. В настоящее время говорить о датировке всего этого комплекса (жилище, керамика, жертвенник) именно V в. до н.э. вряд ли возможно. Длительное использование фрагментированных жертвенников, как минимум до второй половины IV в. до н.э., установлено как по кочевническим материалам из некрополей Филипповка 1 и 2 [Савельев, 2023, с. 212–213], так и по находкам из лесостепных (собственно гороховских, напр., курган 4 могильника Мурзино I) памятников [Булдашов, Боталов, 2016, рис. 2,II]. С другой стороны, погребальный инвентарь Березовского кургана, расположенного к югу от г. Челябинск, показывает, что подобные прямоугольные жертвенники и в целом виде продолжают использоваться и в середине – второй половине IV в. до н.э., совстречаясь с мечами переходного типа, с уже сложившейся формой «раннесарматской тальковой керамики», а также колчанными наборами, в которых абсолютно преобладают бронзовые трехлопастные наконечники с внутренней втулкой [Хабдулина, Малютина, 1982, рис. 1,10,11,13, 2].

Таким образом, полученные за прошедшие полвека материалы позволяют датировать погребение в кургане у с. Раскатиха и жертвенник с поселения Лужки I не V или рубежом V–IV вв. до н.э., а временем не ранее середины – второй половины IV в. до н.э. Это полностью соотносится с радиоуглеродной датировкой элитного некрополя Скаты в Среднем Притоболье [Daire et al., 2002, table 11] и датой кургана 5 Воробьевского могильника, в котором найдено два акинака типа Солоха, появление которых на Южном Урале в целом не может быть ранее IV в. до н.э. [Савельев,

2025, с. 102]. Дополнительно о времени середины – второй половины IV в. до н.э. свидетельствует нахождение в кургане у с. Катайское на р. Исеть прямоугольного жертвенника на четырех ножках, очень близкого по параметрам жертвеннику из Березовского кургана (почти квадратный), и бронзового зеркала с широким валиком по краю и шестилепестковой розеттой, выполненной в пуансонной технике [Мошкова, 1974, с. 27, рис. 7,1,3]. Подобный вариант зеркал типа X является поздним и, по аналогиям в могильниках Переволочан 1 и Авласово, должен датироваться второй половиной IV в. до н.э. [Сиротин, 2010, рис. 4,2; 5,2; Сиротин, 2013, с. 166, рис. 3,2; Савельев, 2021, с. 184].

Несмотря на активные исследования в Зауральской лесостепи (в первую очередь – от восточного склона Урала до среднего течения р. Тобол, протяженность порядка 300 км) за время, прошедшее с момента публикации анализируемых работ В.Е. Стоянова и М.Г. Мошковой, никаких новых памятников гороховской культуры, которые уверенно датировались бы V в. до н.э., найдено не было. Поэтому основания для такой ранней датировки формирования гороховской культуры по погребальным комплексам остались теми же, что были в 1960–1970-е гг., и, по большому счету, только повторяются (см., например: [Могильников, 1992, с. 285]). Это отнюдь не свидетельствует об отсутствии на огромной территории от Уральских гор до Тобола памятников, которые датируются ранее IV в. до н.э. – здесь широко представлены байтовские, носиловские, воробьевские и иткульские древности [Матвеева, 2019], однако все это население не практиковало курганный обряд захоронения. Симптоматично, что в одном из таких могильников (Куртугуз I), где зафиксировано сочетание ингумаций, вторичных захоронений, кремации на стороне и воздушных захоронений, найден и достаточно ранний сосуд, по своей тальковой примеси и резному орнаменту условно отнесенный к гороховской культуре [Шарапова, 2022, рис. 6,6]. Важность этого сосуда в том, что ближайшие аналогии ему присутствуют в ранних памятниках Мессягутовской лесостепи [Савельев, 2007, рис. 21,1,2] и среди самых ранних «зауральских лесостепных» сосудов, имеющих яйце-

видную форму, в погребениях кочевников Южного Зауралья середины I тыс. до н.э. (рис. 2), но для собственно гороховской культуры весь облик этого сосуда нехарактерен. В контексте темы, анализируемой в настоящей статье, важен вывод С.В. Шараповой о том, что у аборигенного «досаргатского» населения восточных предгорий Урала до проникновения гороховских традиций курганный обряд отсутствовал [Шарапова, 2022, с. 48–49].

Необходимо обратить внимание на то, что для всех наиболее ранних, а также элитных могильников гороховской культуры лесостепного Зауралья характерны большие широкие овальные и прямоугольные могильные ямы, парные и коллективные захоронения, шатровые сооружения, известны подбийно-катаомбные (Скаты, Озерный-1) и дромосные (Царев курган, Шмаково) захоронения, а также такой специфический элемент, как парные овальные ямы в центре кургана (Мурзино I), в материальной культуре – длинные мечи, наконечники копий, костяные панцирные пластины, железный шлем, гривны, золотые рифленые бусы, бронзовые котлы, каменные жертвенники и пр. Все это имеет ближайшие аналогии в кочевнических памятниках Южного Зауралья IV в. до н.э. (Переволочан I и др.). Это может свидетельствовать только о том, что погребальные традиции и инвентарь гороховской культуры Зауральской лесостепи могут быть напрямую выведены из южно-уральских кочевнических памятников [Савельев, 2007, с. 186], причиной чему было широкое освоение кочевниками лесостепных пространств [Пантелеева, 2008, с. 91]. Об этом же свидетельствует и статистическое сравнение лесостепных и степных погребальных традиций – они относятся к единой генеральной совокупности, при этом лесостепные традиции сформировались под сильным влиянием кочевников Южного Урала, также фиксируется и обратная связь в ориентировке погребенных – южная у кочевников, северная – у гороховского и саргатского населения [Корякова, Попова, 1987, с. 42–43].

Феномен Челябинских курганов

В районе современного г. Челябинск, расположенного на границе южной и северной

лесостепи на крупной излучине р. Миасс, где к ней подступает большое количество озер, еще в начале XX в. было зафиксировано свыше 1 000 курганов, из которых в 1906–1909 гг. Н.К. Минко исследовал около 90 [Таиров, 2019б, с. 98]. Материалы эпохи раннего железа дали 17 курганов, позднее, в 1970–1980-е гг. к ним добавилось еще три комплекса (два кургана в могильнике Шатрово I и разрушенное погребение на озере Смолино – так называемом «Училище»). Всего в настоящее время к «Челябинским» относятся 20 курганов с 22 погребениями.

Внимание на эту группу курганов обращали многие исследователи эпохи раннего железа Южного Зауралья – К.В. Сальников, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, В.Е. Стоянов и др. Ввиду неудовлетворительной фиксации раскопок, данные о погребальном обряде крайне отрывочны, но важность этой группы памятников требует дополнительного анализа даже такой информации. И если К.В. Сальников говорил о том, что эти курганы оставлены местными древними угорскими племенами, то К.Ф. Смирнов не считал возможным полностью отделить их от кочевнических памятников [Мошкова, 1969, с. 139]. По его мнению, «Челябинскими памятниками, которые находились в области тесных общений савроматских групп Южного Приуралья с племенами иного типа, представлена смешанная культура. Однако погребения савроматского времени в челябинских курганах мало чем отличаются от некоторых погребений степной полосы; поэтому их нельзя игнорировать при определении территории савроматов» [Смирнов, 1964, с. 192]. Проведя анализ сохранившихся данных по раскопанным Н.К. Минко курганам, М.Г. Мошкова акцентировала внимание на смешанном характере и невозможности отнести их «только к савромато-сарматским памятникам», при этом «степень смешанности и доминирующий элемент в разные хронологические периоды были различны». Так, для VI–V вв. до н.э. «можно говорить не только об очень сильном савроматском влиянии в культуре этого района, но даже о каких-то этнических включениях отдельных савроматских групп или племен, которые продвинулись далеко на север, в лесостепи и, возможно, осели здесь среди местного насе-

ния», а с самого конца V в. до н.э. «все больший вес приобретают местные традиции как в погребальном обряде, так и в инвентаре...» [Мошкова, 1969, с. 146–147]. И именно здесь М.Г. Мошковой было впервые высказано предположение о том, что близость керамического комплекса Челябинских курганов и степных кочевнических памятников сформировалась «за счет привнесения в сарматскую среду зауральских элементов культуры благодаря продвижению какой-то части лесостепного населения на юг и их контактов со степью, а возможно, и этнического включения в савромато-сарматский мир» [Мошкова, 1969, с. 147]. Не рассматривая отдельно в монографии 1974 г. челябинскую группу курганов, М.Г. Мошкова отмечает только, что эта территория – «зона смешения “савроматского” и “зауральского” этноса», граничащая с “савромато-сарматскими районами”» [Мошкова, 1974, с. 32–33].

Анализ доступной информации по Челябинским курганам показывает, что из 22 комплексов к раннесакскому и, вероятно, немноголе более раннему времени относятся 5 (кург. 27 Чурилово; кург. 7 Сухомесово; кург. 1 Сосновский; кург. 36 погр. 1 Черняки; кург. 1 Шатрово), к савроматскому – 3 (курган на 11 версте Миасского тракта; кург. 36 погр. 2 Черняки; кург. 25/1909 Синеглазово), все остальные – к IV–III вв. до н.э.

Два первых комплекса савроматского времени представляют собой трупосожжения на древнем горизонте, из одного (курган на 11 версте Миасского тракта) сохранились большой близкий иткульским формам вытянутый яйцевидный горшок (рис. 2,2), имеющий многочисленные аналогии в кочевнических памятниках V в. до н.э. Южного Зауралья (рис. 3,5,6), и круглый орнаментированный по бортику каменный жертвенник [Берс, 1959, с. 71, № 307; Смирнов, 1964, рис. 75,13]², датируемый не ранее IV в. до н.э. [Маргарян и др., 2020, с. 186]. Во второй комплекс (впускное погребение в кургане 1 могильника Черняки), помимо круглого каменного жертвенника на трех ножках и бронзового зеркала с длинной боковой ручкой, входил широкогорлый круглодонный сосуд с иткульским орнаментом (рис. 6,1). Учитывая достаточно широкое распространение иткульских и близ-

ких им сосудов в степной зоне Южного Зауралья, а также их присутствие в погребальных памятниках с сожжением на древнем горизонте³, рассматриваемые два комплекса из Челябинских курганов можно уверенно отнести к восточносибирскому культурному комплексу кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. [Мышкин, 2017; Савельев, 2019]. В третьем комплексе (Синеглазово, кург. 25/1909) восточная ориентировка сильно обожженного погребенного, лежавшего вытянуто в неглубокой яме или на уровне материка, сочеталась с мечом переходного типа, колчаном с 40 бронзовыми наконечниками стрел, крупным «тальковым» горшком со сложной резной орнаментацией [Смирнов, 1964, с. 67, рис. 49,7; Мошкова, 1969, рис. 1,8] (рис. 6,3), а также половиной плоской плиты – круглого каменного жертвенника [Маргарян, 2024, с. 579, № 7–16]. Наличие ближайших аналогий такой круглой плите и даже ее фрагментации в курганах 7 и 24 могильника Филипповка 1 [Пшеничнюк, 2012, с. 44, 61, рис. 91, 151, 173,2,3], а также остальной инвентарь погребения в кургане 25/1909 Синеглазово свидетельствуют о его датировке в пределах IV в. до н.э. Вероятно, данное погребение, которое может быть отнесено к «савроматским» традициям кочевников Южного Урала только по широтной ориентировке, является одновременным или даже немного более поздним, чем курган на 11 версте Миасского тракта.

Остальные 14 погребений (13 курганов) относятся к «прохоровскому» времени (вероятно – в пределах самого конца IV – III в. до н.э.). Ориентировка погребенных определена в восьми случаях: юг – 1, северо-восток – 1 (Исаково, кург. 15/1907), север – 6 (Исаково, кург. 20/1909; Синеглазово, кург. 25/1908; Шатрово I, кург. 3), то есть северная ориентировка является абсолютно преобладающей, на что обратила внимание еще М.Г. Мошкова [Мошкова, 1969, с. 144]. Южная ориентировка, характерная для прохоровской культуры, встречена всего один раз и не ясно, в каком конкретно комплексе. В двух случаях кости были сильно обожжены и засыпаны углем (Синеглазово, кург. 25/1908; Исаково, кург. 15/1907), а в кургане 3 могильника Шатрово I следы горения в погребении отсутствовали, но после того, как яма была засы-

пана, поверх нее был разведен большой костер, от которого сохранились толстый слой прокала размером $1,6 \times 0,5$ м и окружающий его зольник размером $4,4 \times 3,9$ м [Терехова, Чемякин, 1983, с. 130]. По кургану 1 на пашне казака Смолина (раскопки 1906 г.) сохранилась информация, что в насыпи попадались угли и даже обожженные бревна [Мошкова, 1969, с. 142], что свидетельствует о наличии в нем достаточно крупной надмогильной деревянной конструкции. Один из обожженных костяков (Синеглазово, кург. 25/1908) был уложен на правом боку, а в двух случаях (Смолино, кург. 13/1908; Сухомесово, кург. 1/1908, погр. 2) умершие лежали головой на север вытянуто на спине, но с подогнутыми ногами. Для одного из крупных курганов в могильнике Исаково (точные данные отсутствуют) зафиксировано наличие надмогильной конструкции в виде деревянного шатра [Стоянов, 1973, с. 45].

Меч или кинжал прохоровского типа (Исаково, кург. 15/1907), синие биконические стеклянные бусы (Исаково, кург. 23/1909), круглая черная стеклянная бусина с желтым фестончатым орнаментом (Шатрово I, кург. 3), присутствие единичных железных наконечников стрел вместе с бронзовыми (Исаково, кург. 15/1907; Смолино, кург. 13/1908) свидетельствуют о том, что данная группа погребений из Челябинских курганов датируется концом IV – III в. до н.э. Самым ранним из них, вероятно, является курган 1 на пашне казака Смолина, где найден шаровидный кувшиновидный сосуд с высоким каннелированным горлом [Мошкова, 1969, рис. 1,6] (рис. 6,8). По совместности с мечами переходного типа и зеркалами типа 5.3 по А.С. Скрипкину данная устойчивая форма сосуда, являющаяся подражанием какому-то импортному образцу, датируется второй половиной – концом IV в. до н.э. [Савельев, 2000, с. 27, рис. 4,3,4; Васильев, 2004, рис. 6–8; Сиротин, 2017, с. 136, рис. 3,4,6,10].

Встреченные в рассматриваемой группе погребений Челябинских курганов глиняные горшки (Исаково, кург. 11, 20, 23; Синеглазово, кург. 25/1908; Сухомесово, кург. 1; Шатрово, кург. 3) шаровидные с дуговидной или раstrубовидной шейкой, обдененным насечковым или резным фестончатым орнаментом (рис. 6,2,4–7,10). Все они, что отмеча-

лось и М.Г. Мошковой, не отличаются от горюховской погребальной керамики [Мошкова, 1969, с. 145–146; 1974, с. 33]. Сравнение их с кочевническими Зауральскими сосудами как конца IV в. до н.э. [Сиротин, 2017, рис. 3,7–9,11–13], так и немного более раннего времени (рис. 5,6–13) показывает их значительное различие по морфологии и орнаментации. М.Г. Мошкова также говорила об орнаментальной простоте горюховской керамики и ее близости к кочевнической только по самым общим и простым геометрическим элементам [Мошкова, 1974, с. 33, 37].

Приведенные данные позволяют уточнить многие положения, высказывавшиеся ранее К.Ф. Смирновым и М.Г. Мошковой по Челябинским курганам и их месте в системе «степь – лесостепь» середины I тыс. до н.э.

Единственное относительно раннее «савроматское» погребение (кург. 36 погр. 2 Черняки) свидетельствует об освоении этой условно северной территории (60–70 км к северу от могильников у с. Кичигино и Березовского кургана) уже в V в. до н.э. К IV в. до н.э. относятся три погребения – курган на 11 версте Миасского тракта, курган 25/1909 Синеглазово и курган 1 на пашне казака Смолина. Для первого, как и более раннего погребения 2 в кургане 36 могильника Черняки, по особенностям обряда можно уверенно говорить о том, что данное население являлось носителями традиций восточносибирского культурного комплекса, широко распространенного в степной зоне Южного Зауралья. Во втором (кург. 25/1909 Синеглазово) на фоне стандартного инвентаря «филипповского» времени сохраняется широтная ориентировка умершего. Для всех четырех комплексов характерна высокая роль огня в погребальном обряде – кремация, положение сильно обожженного костяка в неглубокой яме, сожжение надмогильной конструкции, что говорит о сохранении в V–IV вв. до н.э. единой линии развития. Сосуды в погребениях – иткульский (рис. 6,1), близкий иткульскому по форме (рис. 2,2), раннегаурийский (рис. 6,3) и подражание импортному (рис. 6,8), имевшее достаточно широкое распространение в степной зоне Южного Урала.

Все остальные погребения могут быть датированы концом IV – III в. до н.э. Для них характерны северная ориентировка, горюхов-

ская керамика, а также распространенность использования огня в погребальном ритуале (обожженность костяков, большой костер над могильной ямой). Последнее, вероятно, может рассматриваться как элемент, связывающий раннюю и позднюю группу погребений. Таким же может быть и генезис керамики поздней группы – во всяком случае, у кочевников Южного Зауралья в течение IV в. до н.э. фиксируется упрощение и стандартизация форм и орнаментации (рис. 5). Учитывая количество исследованных погребений по периодам (5 – начальный этап раннего железа, 4 – V–IV вв. до н.э., 13 – конец IV – III в. до н.э.), можно достаточно уверенно говорить о росте количества населения в прохоровское время.

Это же позволяет с учетом имеющихся данных вернуться и к предположению М.Г. Мошковой о наличии в зоне расположения Челябинских курганов какого-то местного лесостепного населения, среди которого и оседали кочевники-савроматы, что постепенно привело к преобладанию местных (то есть гороховских) традиций [Мошкова, 1969, с. 146–147]. Исследования последующих десятилетий показали полное отсутствие на этой территории каких-либо памятников «местного лесостепного населения», они начинаются в 60–70 км западнее, в предгорьях Южного Урала, и в 70–80 км севернее, в долинах рек Багаряк, Синара и их притоков [Таиров, Шапиро, 2024, рис. 1]. Все это свидетельствует о том, что формирование черт, ставших впоследствии ведущими для лесостепной гороховской культуры, происходило в недрах кочевого населения, оставившего так называемые «Челябинские курганы». На фоне идущего процесса упрощения и стандартизации погребального обряда, отдельные ранние черты продолжают проявляться еще некоторое время и на более северных территориях – например, сожжение на древнем горизонте в кургане 7 могильника Мурзино I [Булдашов, Боталов, 2016, с. 324, рис. 2,III,IV].

«Тальковая» керамика ранних кочевников

Результатом принятия специалистами концепции М.Г. Мошковой 1974 г. стало то, что вся «тальковая» керамика, в том числе с нехарактерным для кочевнических памятников бога-

тым геометрическим орнаментом (каннелюры, треугольные фестоны, в том числе заштрихованные и заполненные насечками, косые сетки, горизонтальные зигзаги и пр.), стала однозначно связываться с включением населения гороховской культуры лесостепного Зауралья в состав ранних кочевников (см., например: [Таиров, 1998; Гуцалов, 2005; Таиров, Гуцалов, 2006]). Как было показано выше, данная часть концепции М.Г. Мошковой явилась основополагающей для последующих построений о приоритете зауральского импульса для формирования единой общесарматской прохоровской культуры. Однако рассмотренные вопросы сложения гороховской культуры и специфики так называемых «Челябинских курганов» не позволяют говорить о «гороховской экспансии» в степь в V–IV вв. до н.э. и, как следствие, гороховском происхождении степных инноваций этого времени. Сам факт появления у кочевников Южного Урала (с приоритетностью Южного Зауралья) инокультурной керамики несомненен, но концепцией 1974 г. и ее последующим развитием объясниться не может.

Детальный анализ «лесостепных» признаков кочевнической керамики Южного Зауралья и их эволюции был сделан мной ранее [Савельев, 2000; 2022], и за прошедшее время основные выводы не изменились, а только уточнились. Происхождение всей ранней «тальковой» кочевнической керамики по формам и орнаментации связано с южной оконечностью иткульского ареала в восточных предгорьях Урала (озера в верховьях р. Миасс), где на этапе формирования иткульской культуры из постмежовской основы под саргаринским и бархатовским влиянием возник яркий и очень своеобразный керамический комплекс, названный мной «раннегафурийским»⁴ [Савельев, 2000, с. 24–34; 2022, с. 59] (по В.А. Борзунову – «гафурийский», по Г.В. Бельтиковой – «межевско-гафурийский», по В.Т. Петрину – «гафурийско-иткульский», по А.Ф. Шорину – «межевско-сарматоидный»⁵). Характерные для этого комплекса (рис. 1) утолщения шеек, внутреннее ребро на шейке, орнаментация насечками плоского среза венчика, валики и производные от них каннелюры, геометрический орнамент имеют своим истоком бархатовскую культуру лесостепного Притоболья. Появившиеся в кочевнических погребениях

Южного Зауралья V в. до н.э. различные яйцевидные сосуды с приостренным и округлым дном (рис. 2), митровидные формы, широкогорлые чаши с округлым или уплощенным дном, гребенчатая орнаментация (рис. 4) также имеют в целом иткульское происхождение. Для кочевников этот комплекс существовал в качестве «лесостепной моды», связанной, вероятно, с широким распространением брачных связей⁶ с более северным оседлым населением (по очень удачной формулировке С.В. Шараповой – с аборигенным «досаргатским» населением восточных предгорий Урала [Шарапова, 2022, с. 48–49]). Развитие этой керамики в кочевой среде шло по линии значительного упрощения форм и орнаментов (рис. 5) и к III в. до н.э. она как единый комплекс практически полностью, за исключением отдельных реплик, исчезла. Использование М.Г. Мошковой «прохоровской» «тальковой» керамики III–II вв. до н.э. из самого северного для Приуралья могильника Старые Киишки [Мошкова, 1963, с. 24–29] при анализе этой группы керамики давало видимость ее длительного существования в кочевой среде. Однако последующие работы показали, что данная керамика в могильнике Старые Киишки не собственно кочевническая, а поступавшая к кочевникам «киишинско-бишунгаровской» группы от оседлого населения кара-абызской культуры, в среде которой несколькими поколениями ранее осела и активно ассимилировалась группа кочевников «филипповского круга», принесшая с собой керамический комплекс, который и стал основой для сложения собственно гафурийского [Савельев, 2010, с. 316–319; 2014].

Все приведенные данные свидетельствуют об одном – «гороховскую керамическую традицию нельзя признать в качестве прототипа прохоровской» [Пантелеева, 2008, с. 87], что ранее неоднократно отмечалось и мной [Савельев, 2000; 2007].

Система «степь – лесостепь» и ранние кочевники Южного Урала: к формированию новой концепции (вместо заключения)

Миграционная концепция, основа которой была сформулирована М.Г. Мошковой в 1974 г., явилась важнейшей объяснительной

моделью для интерпретации этнокультурных процессов в степях Южного Урала и лесостепной зоне Зауралья эпохи раннего железа на начальном этапе изучения этих территорий, но в настоящее время в нее должны быть внесены значительные корректизы.

Говоря о лесостепи, необходимо отметить, что формирование погребальных традиций гороховской культуры относится ко времени не ранее середины IV в. до н.э. и в значительной степени на основе стереотипов кочевников Южного Урала. Причиной этому явилось очень раннее, еще с раннесакского времени, освоение кочевниками степей Южного Зауралья богатых ресурсами лесостепных равнин, значительно усилившиеся к середине I тыс. до н.э. В отличие от лесостепей к западу от края Уральских гор, в южной части отделенных от степи низкогорными возвышенностями, а в северной – резкой и контрастной границей по среднему течению р. Белая, к востоку от Урала переход от степи к лесостепи и лесу очень постепенный и плавный, что позволяло кочевникам осваивать территории вплоть до долины р. Исеть, то есть примерно на 150 км к северу от современного г. Челябинск. Эта же плавность границ имела и еще одно следствие – наличие широкой слабозаселенной полосы между кочевым и оседлым миром. Именно эта полоса приоритетно и начала осваиваться кочевниками – об этом свидетельствуют как так называемые «Челябинские курганы», так и гороховский могильник Озерный-1 в верховьях Тобола, где найден прямоугольный каменный жертвенник на четырех ножках [Рябинина, 2011; Маргарян, 2024, с. 755, № 41-10]. Все более поздние (конец IV – III в. до н.э.) и относительно богатые гороховские могильники (Царев, Скаты, Шмаково, Куртамыш, Большеказакбаево II и др.) расположены значительно севернее и в основном ближе к р. Тобол. По подсчетам С.Е. Пантелеевой, эта группа, с одной стороны, объединяется наличием сосудов с орнаментом в виде каннелюр, а с другой – высоким весом защитного и наступательного вооружения, украшений из золота и серебра, наличием подбоев, крупных ям, шатров, погребений детей с оружием и пр. [Пантелеева, 2012, с. 189–191, табл. 1, 2]. Каннелюры, резная техника орнаментации, наличие плоского дна – все это на-

ходит свои истоки именно в кочевнической «тальковой» керамике, и их появление в лесостепи связано с проникновением кочевников и наслоением их на аборигенное население, что и привело к формированию собственно гороховского керамического комплекса [Пантелеева, 2010, с. 91–95]. Вероятность такого «возвратного» появления гороховской керамики, то есть ее вторичности по отношению к кочевнической «тальковой», ранее рассматривалась и мной [Савельев, 2007, с. 186, примеч. 113]. По стандартизированному виду керамики с обедненным орнаментом (рис. 6,9), а также специфическим типам погребальной обрядности и инвентаря, массовое продвижение кочевников в лесостепь может быть отнесено к середине – второй половине IV в. до н.э.

Вероятно, подобная достаточно крупная «кочевническая инвазия» в лесостепь основывалась на сетевом принципе освоения территории nomadov Южного Урала, когда относительно крупные гетерогенные могильники или их скопления располагались в основном на расстоянии 30–40 км друг от друга, представляя собой центры территориальных групп кочевого населения. Причины появления новых таких групп на удаленных к северу слабозаселенных территориях могут быть демографическими или экологическими.

Лесостепной же компонент в кочевнических памятниках Южного Зауралья середины I тыс. до н.э. фиксируется только антропологически и по керамике, что и свидетельствует о широкой распространенности экзогамных браков. Никаких материально фиксируемых следов погребальных традиций лесостепного населения в степи нет. Единичным исключением является курган 17 могильника Альмухаметово с женским захоронением второй половины V в. до н.э. (северная ориентировка, подогнутые ноги – как и в ряде Челябинских курганов, два крупных горшка, близких иткульским или раннегаурийским), расположенный далеко за пределами основного могильника (рис. 3).

Все эти данные свидетельствуют о том, что линейная миграционная концепция 1974 г., связывающая воедино события в зауральско-западносибирской лесостепи с ключевыми элементами трансформации культуры кочевников на стыке скифской и сарматской эпох

(то есть «формирование прохоровской культуры»), в реальности объединила в себе несколько самостоятельных линий внутреннего развития и взаимодействия с внешним миром как кочевого, так и лесостепного населения. Каждая из этих линий должна являться предметом самостоятельного источниковедческого анализа.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарен д.и.н. А.Д. Таирову (ЮУрГУ, г. Челябинск) – за многолетние конструктивные дискуссии по теме данной статьи и разрешение привести графическую реконструкцию сосуда из кургана 1 могильника Кирса, а также к.и.н. К.Г. Маргарян (ЮУрГУ, г. Челябинск) – за значительную помощь в атрибуции ряда находок из так называемых «Челябинских курганов».

ACKNOWLEDGMENTS

The author is grateful to Doctor of Sciences (History) Alexander Tairov (South Ural State University, Chelyabinsk) for many years of constructive discussions on the topic of this article and permission to provide a graphic reconstruction of a vessel from kurgan 1 of the Kirsia burial ground, as well as Candidate of Sciences (History) Ksenia Margaryan (South Ural State University, Chelyabinsk) for significant assistance in attributing a number of finds from the so-called “Chelyabinsk Kurgans.”

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основной вопрос непринятия положений, сформулированных мной в монографии «Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа» [Савельев, 2007], со стороны специалистов по зауральско-западносибирской лесостепи связан с таксономическим положением гороховской культуры – отдельная это культура или крайний западный вариант саргатской историко-культурной общности и таксономического положения в них так называемых «айских» памятников. В настоящей статье этот вопрос не рассматривается, тем более что, по мнению С.Е. Пантелеевой, «вне зависимости от решения проблемы об объединении или разделении айских и гороховских памятников, их принадлежность к единому культурному континууму не вызывает сомнений» [Пантелеева, 2012, с. 182]. До больших аналитических исследований по гороховской про-

блематике данный подход представляется самым нейтральным и наиболее приемлемым.

² Данный жертвенник долгое время считался найденным «в одном из курганов IV в. до н.э. под Челябинском» [Смирнов, 1964, с. 165; Маргарян и др., 2020, с. 184, № 12]. Благодарю к.и.н. К.Г. Маргарян (ЮУрГУ, г. Челябинск) и Е.Н. Гончарову (Музей истории и археологии Урала, г. Екатеринбург), атрибутировавших этот жертвенник по коллекционной описи Свердловского музея [Берс, 1959]. Это позволило точно определить место его находки – «курган на 11 версте Миасского тракта, раскопки Н.К. Минко 1906 г.».

³ Например, могильник Переволочан 2 в Зауральской Башкирии (неопубликованные раскопки С.В. Сиротина, 2008 г.).

⁴ Соотношение «раннегафурийского» зауральского и «гафурийского» приуральского керамических комплексов не прямое, как это предполагалось исследователями зауральских древностей, а опосредованное, через кочевническую среду [Савельев, 2014; 2015].

⁵ Рассматривать данный комплекс как сформировавшийся под воздействием кочевнических керамических традиций (то есть «сарматоидный») невозможно, так как в степи Южного Зауралья подобная керамика появилась только в V–IV вв. до н.э., в иткульском же ареале она формируется на несколько веков ранее.

⁶ Под брачными связями в рассматриваемом случае подразумеваются устойчивые контакты кочевников Южного Зауралья с лесостепным населением, при которых женщины, входившие в состав кочевого социума, приносили с собой также и гончарные традиции, которые в отрыве от сформировавшего их общества начинали быстро изменяться [Савельев, 2000], что породило своеобразную «лесостепную моду» [Савельев, 2022], совмещавшую в себе в самых разных комбинациях собственно кочевнические и принесенные лесостепные традиции гончарства. Именно такой вариант смешения традиций реконструируется и на основе технико-технологического анализа керамики кочевников Южного Урала [Краева, 2015].

ПРИЛОЖЕНИЯ

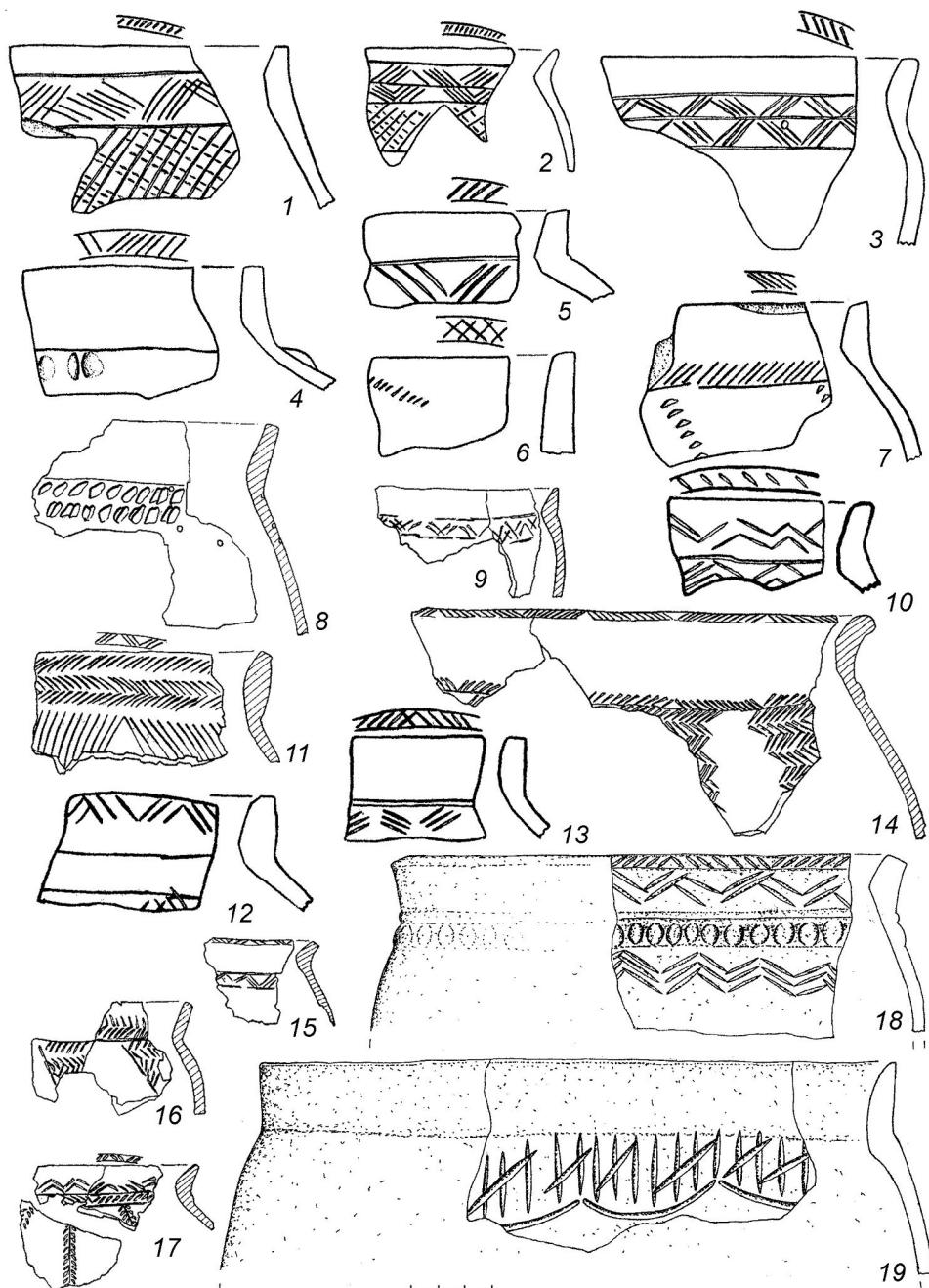

Рис. 1. Раннегафурийский керамический комплекс. Поселения восточных предгорий Южного Урала (верховья р. Миасс):

1–7 – Березки II; 8, 9, 11, 14–17 – Остров Малый Вишневый; 10 – Перевозный III; 12 – Аргази XIII;
13 – Березки V; 18, 19 – Няшевка.

1–7, 10, 12, 13 – по: [Шорин, 1996, рис. 4–5]; 8, 9, 11, 14–17 – по: [Бельтикова, 1988, рис. 2–3];
18, 19 – раскопки Л.Я. Крижевской, 1966 г. (фонды МАЭ УФИЦ РАН); 1–19 – рисунки автора

Fig. 1. Early Gafury ceramic complex. Settlements of the eastern foothills of the Southern Urals
(upper reaches of the Miass River):

1–7 – Berezki II; 8, 9, 11, 14–17 – Maly Vishnevyy Island; 10 – Perevozny III; 12 – Argazi XIII;
13 – Berezki V; 18, 19 – Nyashevka.
1–7, 10, 12, 13 – after: [Shorin, 1996, fig. 4–5]; 8, 9, 11, 14–17 – after: [Beltikova, 1988, fig. 2–3];
18, 19 – excavations by L.Ya. Krizhevskaya, 1966 (funds of the MAE UFRC, RAS); 1–19 – drawings by the author

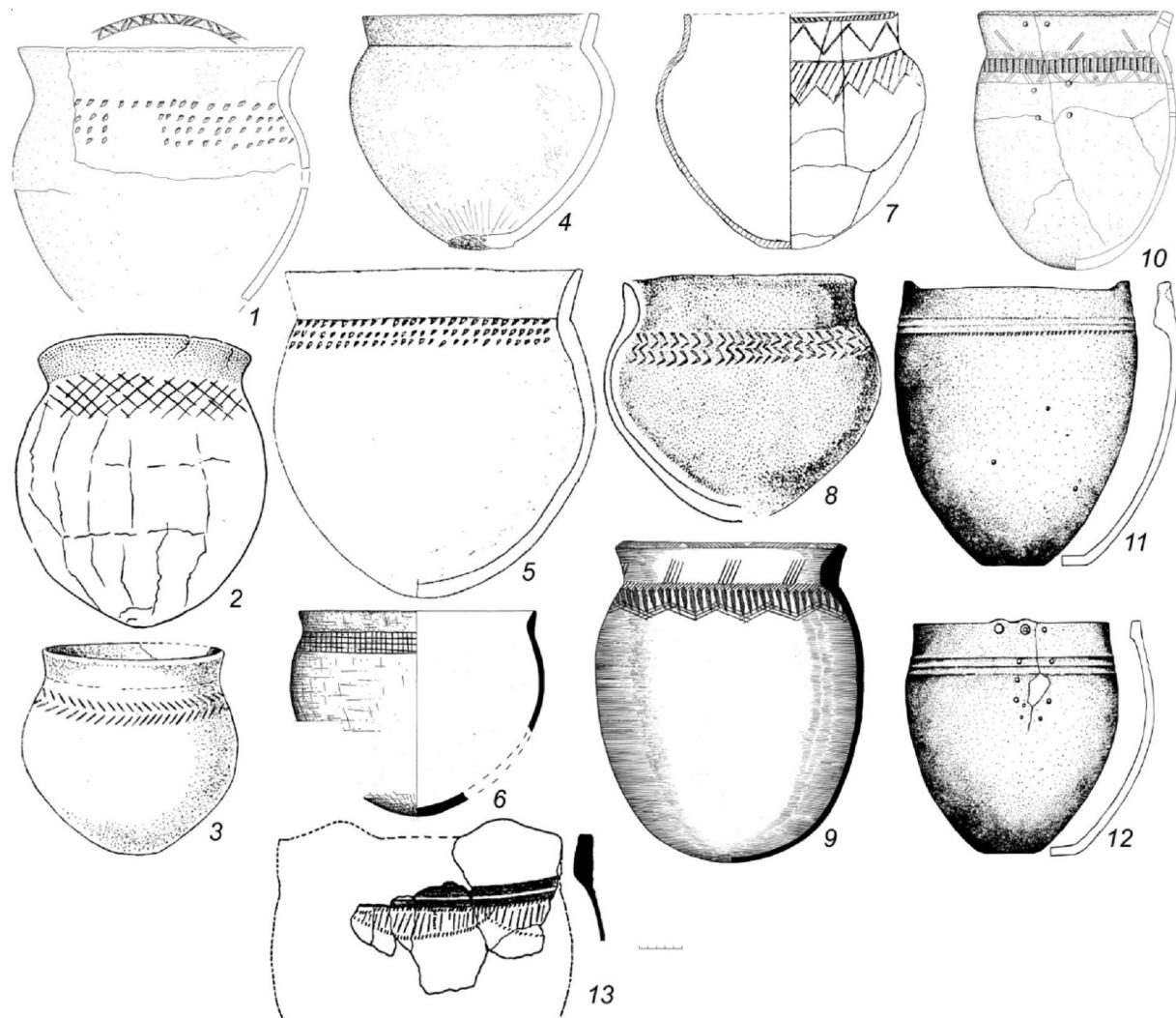

Рис. 2. Яйцевидные сосуды из погребений ранних кочевников Южного Урала V–IV вв. до н.э.:

1 – Кирса, кург. 1; 2 – курган на 11-й версте Миасского тракта (по: [Мошкова, 1969, рис. 1,7]; 3 – Альмухаметово, кург. 9 погр. 4 (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XXXV,15]; 4 – Валитово-2, кург. 2, кост. 1; 5 – курган у с. Наваринка, погр. 4 (по: [Гуцалов, Боталов, 2001, рис. 6,9]); 6 – Гадельша III (по: [Савельев, 2000, рис. 5,5]); 7 – Кудуксай III, кург. 1 (по: [Гуцалов, 2005, рис. 3,1]); 8 – Дэвкескен-4, кург. 2 (по: [Ягодин, 1990, рис. 13]); 9 – Яковлевка, кург. 1 (по: [Федоров, Васильев, 1998, рис. 5,2]); 10 – Майлыйбай-2; 11, 12 – Шумаево I, кург. 4 погр. 1 (по: [Моргунова и др., 2003, рис. 20,2,4]); 13 – Новый Кумак, группа III, кург. 3 погр. 1 (по: [Заседателева, 2006, рис. 4]).

1, 4, 6, 10 – рисунки автора

Fig. 2. Ovoid vessels from the burials of the early nomads of the Southern Urals in the 5th – 4th centuries BC:

1 – Kirsa, kurgan 1; 2 – kurgan on the 11th verst of the Miassky tract (after: [Moshkova, 1969, fig. 1,7]; 3 – Almukhametovo, kurgan 9, burial 4 (after: [Pshenichnyuk, 1983, table XXXV,15]; 4 – Valitovo-2, kurgan 2, skeleton 1; 5 – kurgan near the village of Navarinka, burial 4 (after: [Gutsalov, Botalov, 2001, fig. 6,9]); 6 – Gadelsha III (after: [Savelev, 2000, fig 5,5]); 7 – Kuduksaï III, kurgan 1 (after: [Gutsalov, 2005, fig. 3,1]); 8 – Devkesken-4, kurgan 2 (after: [Yagodin, 1990, fig. 13]); 9 – Yakovlevka, kurgan 1 (after: [Fedorov, Vasiliyev, 1998, fig. 5,2]); 10 – Mailybay-2; 11, 12 – Shumaev I, kurgan 4 burial 1 (after: [Morgunova et al., 2003, fig. 20,2,4]); 13 – Novy Kumak, group III, kurgan 3 burial 1 (after: [Zasedateleva, 2006, fig. 4]).

1, 4, 6, 10 – drawings by the author

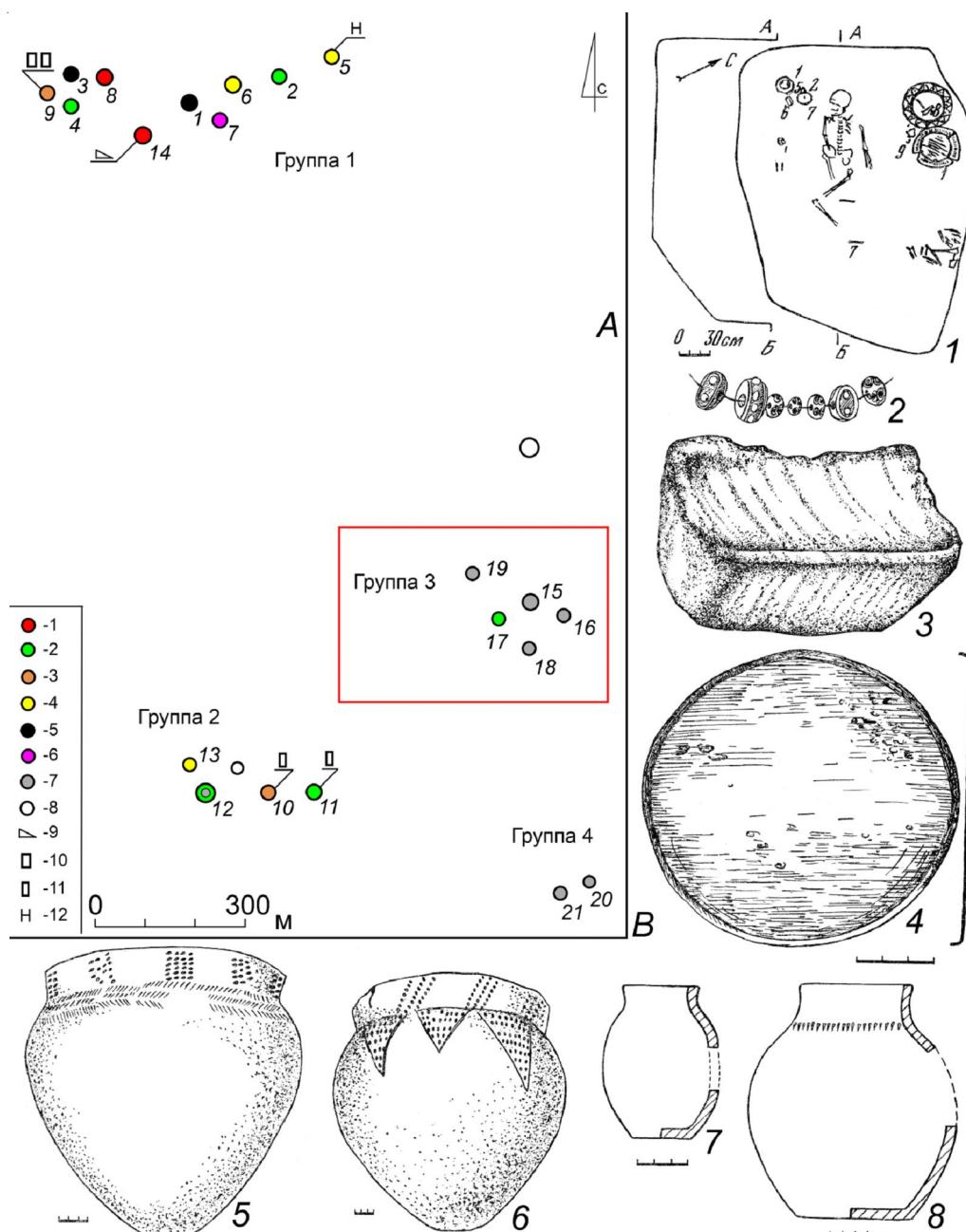

Рис. 3. Могильник Альмухаметово, курган 17. Женское погребение с яйцевидными сосудами (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XXXVIII]):

A – план могильника: 1 – восточноприаральский комплекс; 2 – блуменфельдский комплекс; 3 – мугоджарский комплекс; 4 – курганы с центральными подбойно-катакомбными погребениями; 5 – курганы без погребений или с неясными данными; 6 – курган позднесарматского времени; 7 – курганы эпохи бронзы; 8 – неисследованные курганы; 9–12 – боковые / впускные погребения (разные типы).
B – план погребения (1) и сопроводительный инвентарь: 2 – стеклянные бусы; 3 – каменный жертвенник; 4 – бронзовое зеркало; 5–8 – лепные глиняные сосуды

Fig. 3. Almukhametovo burial ground, kurgan 17. Female burial with ovoid vessels
(after: [Pshenichnyuk, 1983, table XXXVIII]):

A – burial ground plan: 1 – East Aral complex; 2 – Blumenfeld complex; 3 – Mugodzhary complex; 4 – kurgans with central catacomb burials; 5 – kurgans without burials or with unclear data; 6 – kurgan of the Late Sarmatian period; 7 – Bronze Age kurgans; 8 – unexplored kurgans; 9–12 – lateral/inlet burials (different types). *B* – burial plan (1) and accompanying inventory: 2 – glass beads; 3 – stone altar; 4 – bronze mirror; 5–8 – molded clay vessels

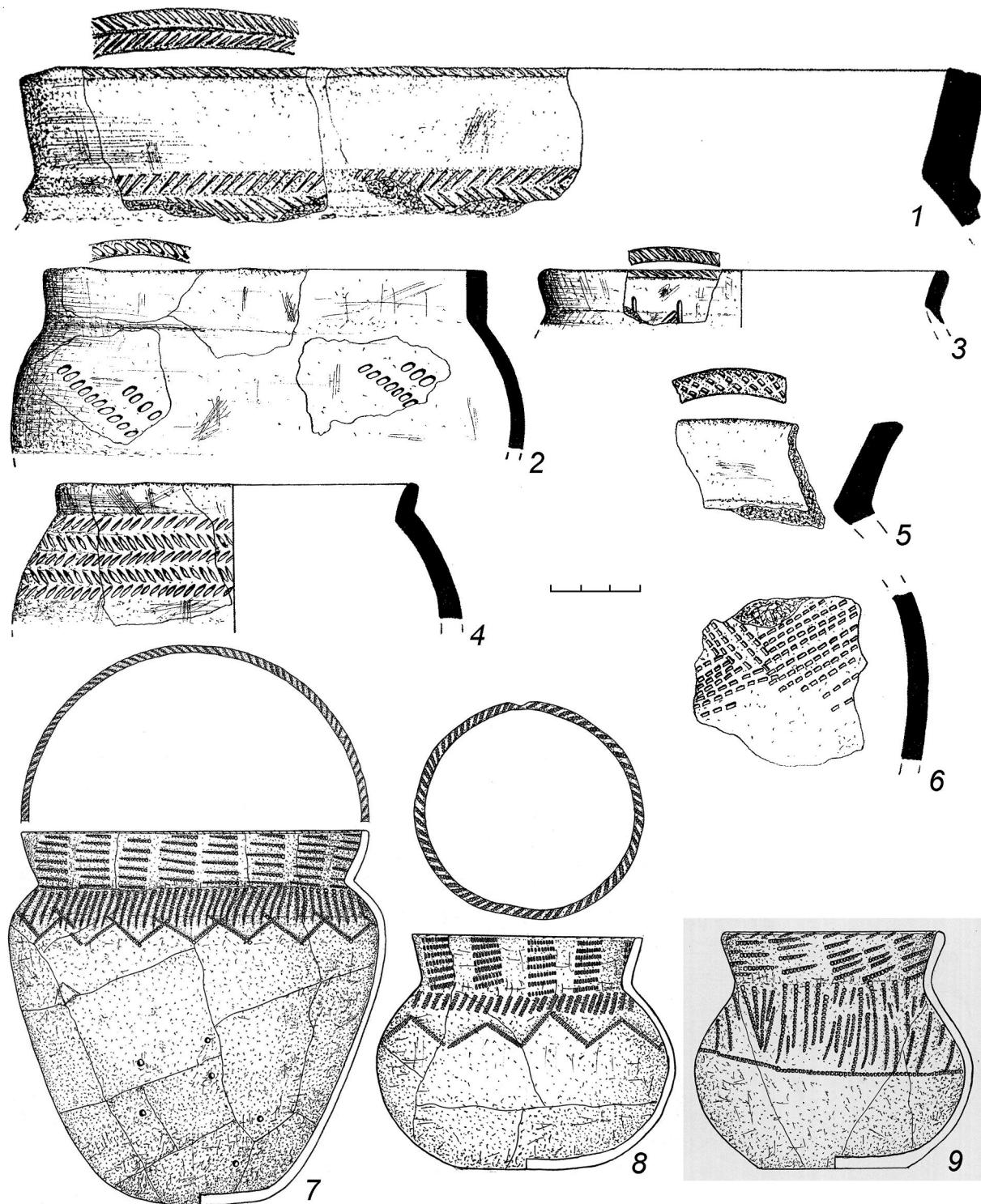

Рис. 4. Керамика из Тепяновского кургана (1–6) и могильника Кичигино I (7–9):
1–6 – по: [Савельев, 2000, рис. 7]; 7–9 – по: [Тайров, 2019а, рис. на с. 167, 197], без масштаба
Fig. 4. Ceramics from the Tepyanovsky kurgan (1–6) and the Kichigino I burial ground (7–9):
1–6 – after: [Savelev, 2000, fig. 7]; 7–9 – after: [Tairov, 2019a, fig. on pp. 167, 197], without scale

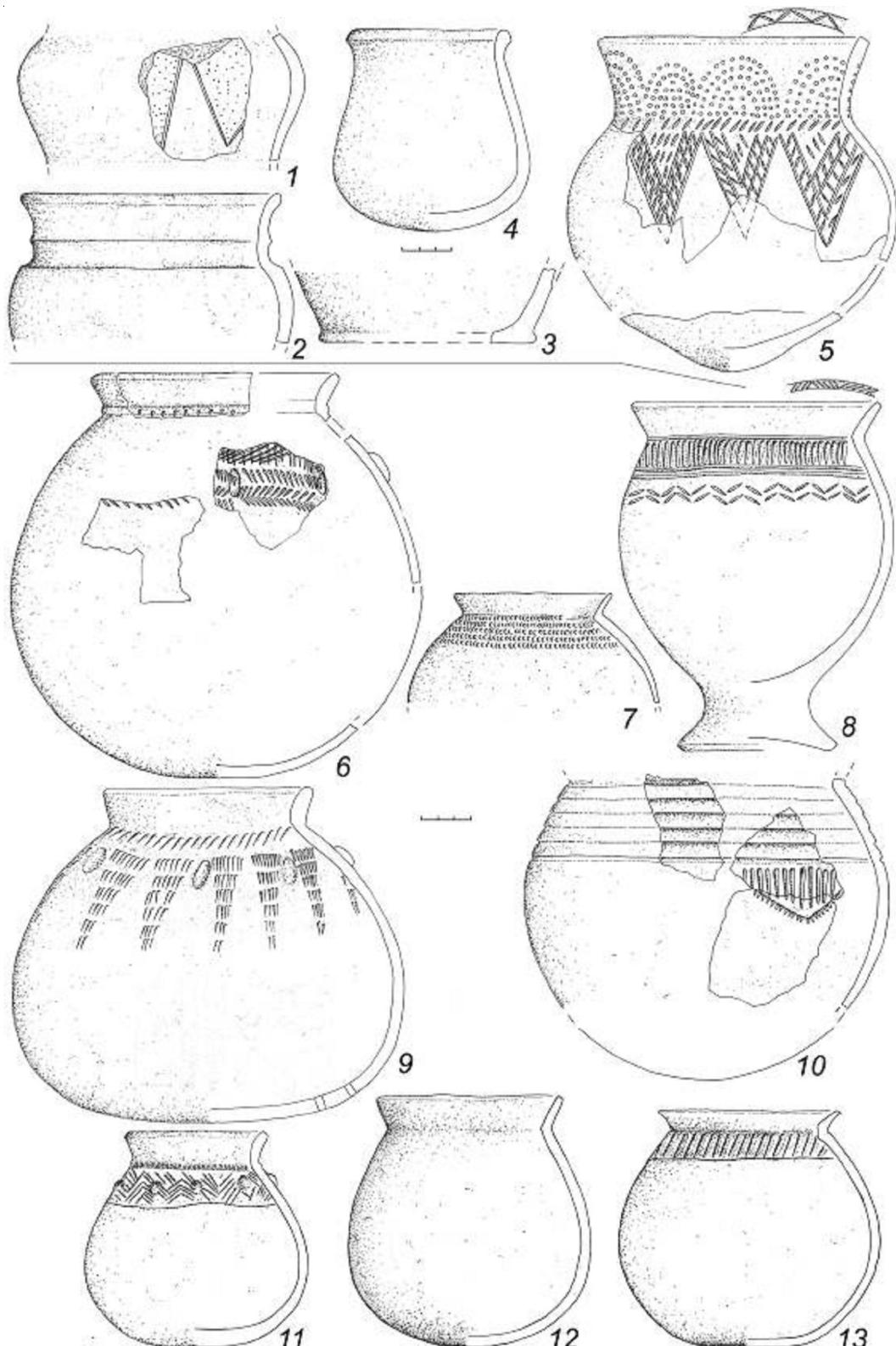

Рис. 5. Курганный могильник Переволочан I (V–IV вв. до н.э.). Керамика раннего и позднего этапов:

1–5 – кург. 8; 6, 7 – кург. 3; 8 – кург. 5; 9 – кург. 1; 10 – кург. 10; 11–13 – кург. 11. Рисунки автора

Fig. 5. Kurgan burial mound of Perevolochan I (5th – 4th centuries BC). Ceramics of the early and late stages:

1–5 – kurgan 8; 6, 7 – kurgan 3; 8 – kurgan 5; 9 – kurgan 1; 10 – kurgan 10; 11–13 – kurgan 11. Drawings by the author

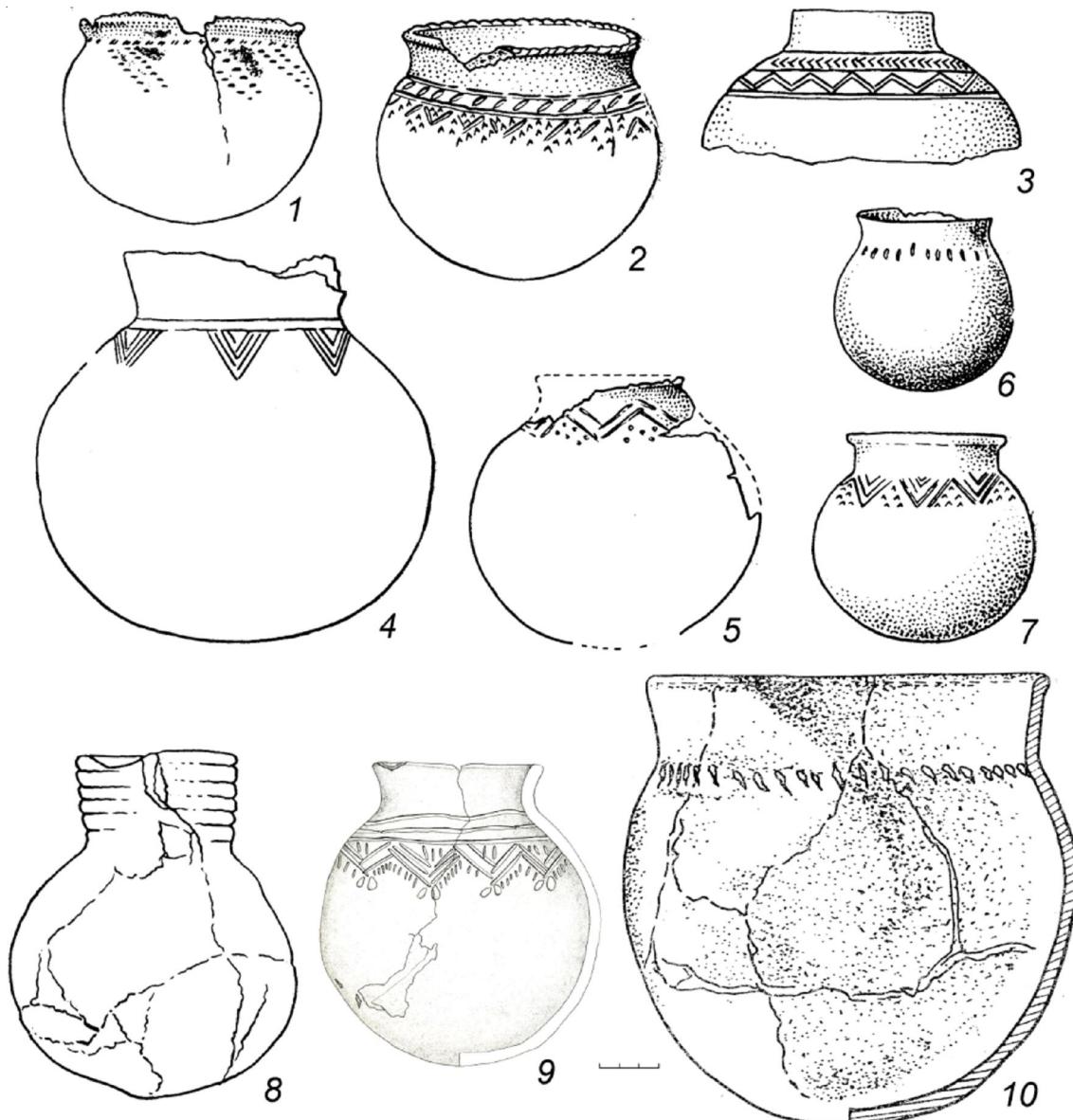

Рис. 6. Глиняные сосуды «Челябинских курганов» (1–8, 10)
и могильника гороховской культуры Озерный-1 в верхнем течении р. Тобол (9):
 1 – Черняки, кург. 36 (1908 г.); 2 – Исааково, кург. 11 (1908 г.); 3 – Синеглазово, кург. 25 (1909 г.);
 4 – Сухомесово, кург. 1 (1908 г.); 5 – Синеглазово, кург. 25 (1908 г.); 6 – Исааково, кург. 20 (1909 г.);
 7 – Исааково, кург. 23 (1909 г.); 8 – курган на пашнях казака Смолова (1906 г.); 9 – Озерный-1, кург. 5 погр. 3;
 10 – Шатрово I, кург. 3. 1–8 – по: [Мошкова, 1969, рис. 1]; 9 – по: [Рябинина, 2011, рис. 1,6];
 10 – по: [Терехова, Чемякин, 1983, рис. 1,12]

Fig. 6. Clay vessels of the “Chelyabinsk kurgans” (1–8, 10)
and the burial ground of the Gorokhovo Culture Ozerny-1 in the upper reaches of the Tobol River (9):

1 – Chernyaki, kurgan 36 (1908); 2 – Isakovo, kurgan 11 (1908); 3 – Sineglazovo, kurgan 25 (1909);
 4 – Sukhomesovo, kurgan 1 (1908); 5 – Sineglazovo, kurgan 25 (1908); 6 – Isakovo, kurgan 20 (1909);
 7 – Isakovo, kurgan 23 (1909); 8 – kurgan on the arable land of Cossack Smolin (1906); 9 – Ozerny-1, kurgan 5, burial 3;
 10 – Shatrovo I, kurgan 3. 1–8 – after: [Moshkova, 1969, fig. 1]; 9 – after: [Ryabinina, 2011, fig. 1,6];
 10 – after: [Terekhova, Chemyakin, 1983, fig. 1,12]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельтикова Г. В., 1988. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. Вып. 19. Свердловск : УрГУ. С. 103–117.
- Берс Е. М., 1959. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск : СОКМ. 84 с.
- Булдашов В. А., Боталов С. Г., 2016. Новые аспекты исследования могильника Мурзино I // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей. С. 318–340.
- Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Граков Б. Н., 1947. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. № 3. С. 100–121.
- Гуцалов С. Ю., 2005. Зауральская керамика в погребениях ранних кочевников Южного Приуралья // Вестник ЧГПУ. № 3. С. 84–98.
- Гуцалов С. Ю., Боталов С. Г., 2001. Курганы прохоровской культуры в районе Магнитогорска // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. С. 148–161.
- Железчиков Б. Ф., 1987. Южное Приуралье в V–IV вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии : тез. докл. Ч. 2. Кемерово : КемГУ. С. 38–40.
- Заседателева С. Н., 2006. Прохоровское погребение Ново-Кумакского могильника. К вопросу взаимодействия степного и лесного населения Южного Урала в раннем железном веке // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы III Регион. (с междунар. участием) науч.-практич. конф. Челябинск : ЧелГУ. С. 95–98.
- Корякова Л. Н., Попова С. М., 1987. К вопросу о сравнении саргатской и савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ. С. 37–45.
- Краева Л. А., 2015. Сарматская керамика как исторический источник // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии : междунар. симп. (29–31 октября 2013 г., Москва). М. : ИА РАН. С. 229–242.
- Куриных О. И., 2011. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // Российская археология. № 3. С. 42–54.
- Маргарян К. Г., 2024. Каменные жертвенники ранних кочевников Евразии : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск. 935 с.
- Маргарян К. Г., Купцов Е. А., Сиротин С. В., Бытковский О. Ф., Купцова Л. В., 2020. Геометрический орнамент как датирующий элемент на каменных жертвенниках ранних кочевников Евразии // Stratum plus. № 3. С. 171–190.
- Матвеева Н. П., 2019. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // Российская археология. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630004109-8>
- Могильников В. А., 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 274–311.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халипин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург : ОГПУ. 392 с.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. М. : АН СССР. 56 с.
- Мошкова М. Г., 1969. Погребения VI–IV вв. до н.э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. МИА. № 169. М. : Наука. С. 138–147.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 52 с.
- Мошкова М. Г., 1989. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности : науч. доклад, представленный в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М. 48 с.
- Мышкин В. Н., 2017. Курганы скифского времени с погребениями на уровне дневной поверхности в степях Южного Урала: обрядовые характеристики // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45, № 3. С. 96–105. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.3.096-105>
- Пантелеева С. Е., 2008. Культурные взаимодействия и трансформации в Южном Зауралье в середине I тыс. до н.э. (к вопросу о соотношении гороховских и прохоровских комплексов) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : ОмГУ. С. 87–92.

- Пантелеева С. Е., 2010. Гороховская культура: формирование и динамика развития (по материалам керамических коллекций) // Уральский исторический вестник. № 2 (27). С. 87–95.
- Пантелеева С. Е., 2012. Погребальная керамика гороховской культуры: вариативность как маркер социальных границ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 11, вып. 3 : Археология и этнография. С. 180–193.
- Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Рябинина Е. А., 2011. Комплекс раннего железного века могильника Озерный-1 в Верхнем Притоболье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб. ; М. ; Великий Новгород : ИИМК РАН. С. 376–377.
- Савельев Н. С., 2000. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 17–48.
- Савельев Н. С., 2007. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа : Гилем. 260 с.
- Савельев Н. С., 2010. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. МИАР. № 13. М. : Тайс. С. 299–322.
- Савельев Н. С., 2014. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 191–206.
- Савельев Н. С., 2015. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 62–84.
- Савельев Н. С., 2019. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>
- Савельев Н. С., 2021. Малые Гумаровские курганы скифо-сарматского времени на Южном Урале: хронология, особенности погребального обряда и вопросы культурной атрибуции // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 179–203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.9>
- Савельев Н. С., 2022. Культовое место эпохи ранних кочевников на горе Крутая в Южном Зауралье // Российская археология. № 1. С. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010172>
- Савельев Н. С., 2023. Каменные жертвенники // Сокровища сарматских вождей : Древности середины I тыс. до н.э. из Филипповских курганов на Южном Урале : науч. каталог. М. : ГМИИ им. А.С. Пушкина. С. 212–215.
- Савельев Н. С., 2025. Мечи и кинжалы типа Солоха Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Интеграции гуманитарного и естественно-научного подходов в археологии раннего металла. К 70-летию Александра Дмитриевича Таирова : материалы IX Всерос. науч. конф. Челябинск : ГИМЮУ. С. 98–103.
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. МИАР. № 13. М. : Тайс. С. 323–338.
- Сиротин С. В., 2013. Катаомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (37), ч. II. С. 163–169.
- Сиротин С. В., 2017. Хронология и планиграфия курганного некрополя Ивановские I курганы в Зауральской Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : ГИМЮУ. С. 132–139.
- Смирнов К. Ф., 1964. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 381 с.
- Стоянов В. Е., 1973. О могильниках Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск : УрГУ. С. 44–57.
- Таиров А. Д., 1998. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург : Димур. С. 87–96.
- Таиров А. Д., 2009. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 137–148.

- Тайров А. Д., 2016а. Ранний железный век лесостепной зоны Южного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей. С. 16–31.
- Тайров А. Д., 2016б. Взаимодействие населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII–II вв. до н.э.// Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей. С. 443–468.
- Тайров А. Д., 2019а. Южный Урал в эпоху ранних кочевников. История Южного Урала. Т. 3. Челябинск : ЮУрГУ. 400 с.
- Тайров А. Д., 2019б. Памятники ранних кочевников на северо-восточной периферии сарматского мира // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.8>
- Тайров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск : БашГУ. С. 141–159.
- Тайров А. Д., Гуцалов С. Ю., 2006. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей. С. 312–341.
- Тайров А. Д., Шапиро А. Д., 2024. Новые антропоморфные фигурки из лесостепного Зауралья // Уфимский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 333–347. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.019>
- Терехова Л. М., Чемякин Ю. П., 1983. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов : СГУ. С. 129–138.
- Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 62–96.
- Хабдулина М. К., Малютина Т. С., 1982. Погребальный комплекс V–IV вв. до н.э. из Челябинской области // Краткие сообщения института археологии. Вып. 170. С. 73–80.
- Шарапова С. В., 2022. Древности раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН. 208 с.
- Шорин А. Ф., 1996. О роли межовской культуры Среднего Зауралья в формировании уральских культур раннего железного века // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа : Вост. ун-т. С. 20–32.
- Яблонский Л. Т., 2016. А.Х. Пшеничнюк о ранних кочевниках Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 16. С. 96–100. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.006>
- Ягодин В. Н., 1990. Курганный могильник Дэвкескен-4 // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент : Фан. С. 8–81.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Ugé M.-C., 2002. Habitats et nécropole de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997. Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. XI. Paris : Diffusion de Brocard. 291 p.

REFERENCES

- Beltikova G.V., 1988. Pamiatnik metallurgii na ostrove Malyy Vishnevyy [Metallurgy Site on Maly Vishnevyy Island]. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri. Voprosy arheologii Urala* [The Material Culture of the Ancient Population of the Urals and Western Siberia. Issues of Ural Archeology], iss. 19. Sverdlovsk, UrSU, pp. 103-117.
- Bers E.M., 1959. *Katalog arheologicheskikh kollektsiy Sverdlovskogo kraevedcheskogo muzeya* [Catalog of Archaeological Collections of the Sverdlovsk Museum of Local Lore]. Sverdlovsk, SRMIL. 84 p.
- Buldashov V.A., Botalov S.G., 2016. Novye aspekty issledovaniya mogil'nika Murzino I [New Aspects of the Study of the Murzino I Burial Ground]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogenезa)* [Archeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Rife, pp. 318-340.
- Vasilev V.N., 2004. K hronologii ranneprohorovskogo kompleksa [Towards Chronology of Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 5, pp. 153-172.
- Grakov B.N., 1947. ГУНАИКОКРАТОYMENOI. Perezhitki matriarchata u sarmatov [ГУНАИКОКРАТОYMENOI. Remnants of the Sarmatian Matriarchy]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 100-121.
- Gutsalov S. Yu., 2005. Zaural'skaya keramika v pogrebeniyah rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Trans-Ural Ceramics in the Burials of Early Nomads of the Southern Urals]. *Vestnik ChGPU* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], no. 3, pp. 84-98.

- Gutsalov S.Yu., Botalov S.G., 2001. Kurgany prohorovskoy kul'tury v rayone Magnitogorska [Mounds of the Prokhorovka Culture in the Magnitogorsk Area]. *Ufimskij arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 3, pp. 148-161.
- Zhelezchikov B.F., 1987. Yuzhnoe Priural'e v V–IV vv. do n.e. [The Southern Urals in the 5th – 4th Century BC]. *Problemy arheologii stepnoy Evrazii: tez. dokl.* [Problems of Archeology of Steppe Eurasia: Abstracts of Reports], part 2. Kemerovo, KemSU, pp. 38-40.
- Zasedateleva S.N., 2006. Prohorovskoe pogrebenie Novo-Kumakskogo mogil'nika. K voprosu vzaimodeystviya stepnogo i lesnogo naseleniya Yuzhnogo Urala v rannem zheleznom veke [The Prokhorovka Burial of the Novo-Kumak Burial Ground. On the Issue of Interaction Between the Steppe and Forest Populations of the Southern Urals in the Early Iron Age]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy III Region. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the III Regional (with International Participation) Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 95-98.
- Koryakova L.N., Popova S.M., 1987. K voprosu o sravnennii sargatskoy i savromato-sarmatskoy kul'tur [On the Question of Comparing the Sargatskaya and Sauromatian-Sarmatian Cultures]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [The Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 37-45.
- Kraeva L.A., 2015. Sarmatskaya keramika kak istoricheskiy istochnik [Sarmatian Ceramics as a Historical Source]. *Sovremennye podhody k izucheniyu drevney keramiki v arheologii: mezhdunar. simp. (29–31 oktyabrya 2013 g., Moskva)* [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archaeology. International Symposium (October 29–31, 2013, Moscow)]. Moscow, IA RAS, pp. 229-242.
- Kurinskikh O.I., 2011. Nakonechniki strel rannih kochevnikov levoberennogo Ileka VI–I vv. do n.e. (po materialam mogilnikov u s. Pokrovka) [Arrowheads from the Early Nomads of the Ilek Left Bank, 6th – 1st cc. BC (Based on the Materials from the Burial Grounds near Prokhorovka)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 42-54.
- Margaryan K.G., 2024. *Kamenyye zhertvenniki rannih kochevnikov Evrazii: dis. ... kand. ist. nauk* [Stone Altars of Early Eurasian Nomads. Cand. hist. sci. diss.]. Chelyabinsk. 935 p.
- Margaryan K.G., Kuptsov E.A., Sirotin S.V., Bytkovskiy O.F., Kuptsova L.V., 2020. Geometricheskiy ornament kak datiruyushchiy element na kamennyh zhertvennikah rannih kochevnikov Evrazii [The Geometric Pattern on the Stone Altars of the Early Nomads of Eurasia as a Dating Element]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 171-190.
- Matveeva N.P., 2019. Gorohovskaya kul'tura v sisteme drevnostey rannego zheleznogo veka Zaural'ya [Gorokhovo Culture in the System of Antiquities of the Early Iron Age of the Trans-Urals]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 19-34. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630004109-8>
- Mogil'nikov V.A., 1992. Lesostep' Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Forest-Steppe of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arheologiya SSSR* [The Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period. Archeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 274-311.
- Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Kraeva L.A., Meshcheryakov D.V., Tureckij M.A., Halyapin M.V., Hohlova O.S., 2003. *Shumaevskie kurgany* [The Shumaevsky Kurgans]. Orenburg, OSPU. 392 p.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kul'tury* [Sites of Prokhorovka Culture]. SAI, iss. Д1-10. Moscow, AS USSR. 56 p.
- Moshkova M.G., 1969. Pogrebeniya VI–IV vv. do n.e. v Chelyabinskoy gruppe kurganov [Burials of the 6th – 4th Centuries BC in the Chelyabinsk Group of Kurgans]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [The Antiquities of Eastern Europe]. MIA, no. 169. Moscow, Nauka Publ., pp. 138-147.
- Moshkova M.G., 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prohorovskoy) kul'tury* [The Origin of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. Moscow, Nauka Publ. 52 p.
- Moshkova M.G., 1989. *Puti i osobennosti razvitiya savromato-sarmatskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti: nauch. doklad, predstavленный в качестве dis. ... d-ra ist. nauk* [Ways and Features of the Development of the Sauromat-Sarmatian Cultural and Historical Community. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow. 48 p.
- Myshkin V.N., 2017. Kurgany skifskogo vremeni s pogrebeniyami na urovne dnevnay poverhnosti v stepyah Yuzhnogo Urala: obryadovye harakteristiki [Scythian Age Barrows with Burials on the Ground Surface in the Southern Ural Steppes: Features of the Funerary Rite]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], vol. 45, no. 3, pp. 96-105. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.3.096-105>

- Panteleeva S.E., 2008. Kul'turnye vzaimodeystviya i transformatsii v Yuzhnom Zaural'e v serедине I tys. do n.e. (k voprosu o sootnoshenii gorohovskikh i prohorovskikh kompleksov) [Cultural Interactions and Transformations in the Southern Trans-Urals in the Middle of the 1st Millennium BC (on the Relationship Between the Gorokhovo and Prokhorovka Complexes)]. *VII istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [VII Historical Readings in Memory of M.P. Gryaznov]. Omsk, OSU, pp. 87-92.
- Panteleeva S.E., 2010. Gorohovskaya kul'tura: formirovaniye i dinamika razvitiya (po materialam keramicheskikh kollektivov) [The Gorokhovo Culture: Formation and Development (On the Base of the Pottery Analysis)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 2 (27), pp. 87-95.
- Panteleeva S.E., 2012. Pogrebal'naya keramika gorohovskoy kul'tury: variativnost' kak marker sotsial'nyh granits [Ritual Pottery of the Gorokhovo Culture: Variability as a Marker of Social Boundaries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoryya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], vol. 11, iss. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 180-193.
- Pshenichnyuk A.H., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [The Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.
- Pshenichnyuk A.H., 1995. Perevolochanskiy mogilnik [Perevolochansky Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of Nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kachevoj znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Necropolis of Nomadic Nobility of the 4th Century BC in the Southern Urals]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.
- Ryabinina E.A., 2011. Kompleks rannego zheleznogo veka mogil'nika Ozernyy-1 v Verhnem Pritobol'e [The Complex of the Early Iron Age Burial Ground Ozernyy-1 in the Upper Tobol]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda* [Proceedings of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress], vol. 1. Saint Petersburg, Moscow, Velikiy Novgorod, IHMC RAS, pp. 376-377.
- Savelev N.S., 2000. Kamennye kurgany vostochnyh predgoriy Yuzhnogo Urala i nekotorye voprosy formirovaniya prohorovskoy kultury [Stone Mounds of the Eastern Foothills of the Southern Urals and Some Issues of the Formation of the Prokhorovka Culture]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 2, pp. 17-48.
- Savelev N.S., 2007. *Mesyagutovskaya lesostep' v epohu rannego zheleza* [Mesyagutovskaya Forest-Steppe in the Early Iron Age]. Ufa, Gilem Publ. 260 p.
- Savelev N.S., 2010. Keramicheskie importy kara-abyzskoy kul'tury: ih proiskhozhdenie, kontekst i datiruyushchie vozmozhnosti [Ceramic Imports of the Kara-Abyz Culture: Their Origin, Context and Dating Possibilities]. *Arheologiya i paleoantropologiya Evraziiskih stepey i sopredel'nyh territoriy* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. MIAR, no. 13. Moscow, TAUS Publ., pp. 299-322.
- Savelev N.S., 2014. Sarmatizatsiya lesostepi Yuzhnogo Priural'ya: predposylki, osnovnye etapy, harakteristiki, sledstviya [Sarmatization of the Southern Urals Forest-Steppe: Background, Milestones, Characteristics, Consequences]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 14, pp. 191-206.
- Savelev N.S., 2015. Poselencheskie pamyatniki kochevnikov skifo-sarmatskogo vremeni v yuzhnoy chasti gorno-lesnoy zony Yuzhnogo Urala [Settlement Monuments of Scythian-Sarmatian Time Nomads in Southern Mountain and Forest Area of South Ural]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 15, pp. 62-84.
- Savelev N.S., 2019. Yuzhnyy Ural v I tys. do n.e. – osobaya kontaktnaya zona na kraynem vostoke Evropy [The Southern Urals in the First Millennium BC as a Special Contact Zone in the far East of Europe]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 19, pp. 39-50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>
- Savelev N.S., 2021. Malye Gumarovskie kurgany skifo-sarmatskogo vremeni na Yuzhnom Urale: hronologiya, osobennosti pogrebal'nogo obryada i voprosy kul'turnoy atributsii [Small Gumarovo Kurgans of Scythian-Sarmatian Time at South Ural: Chronology, Features of the Funeral Rites and Issues of Cultural Attribution]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 179-203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.9>
- Savelev N.S., 2022. Kul'tovoe mesto epohi rannih kochevnikov na gore Krutaya v Yuzhnom Zaural'e [A Cult Site of the Early Nomadic Period on the Mount Krutaya in the Southern Trans-Urals]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 53-66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010172>

- Savelev N.S., 2023. Kamennye zhertvenniki [Stone Altars]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdей: Drevnosti середины I тысячелетия до н.э. из Филипповских курганов на Южном Урале: науч. каталог* [Treasures of the Sarmatian Leaders: Antiquities of the Middle of the 1st Millennium BC from the Filippovka Mounds in the Southern Urals: Scientific Catalog]. Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, pp. 212-215.
- Savelev N.S., 2025. Mechi i kinzhaly tipa Soloha Yuzhnogo Urala [Solokha Swords and Daggers of the Southern Urals]. *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale. Integracii gumanitarnogo i estestvenno-nauchnogo podkhodov v arheologii rannego metalla. K 70-letiyu Aleksandra Dmitrievicha Tairova: materialy IX Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Integration of Humanitarian and Natural Science Approaches in the Archaeology of Early Metal. On the 70th Anniversary of Alexander Dmitrievich Tairov: Proceedings of the IX All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, The State Historical Museum of the Southern Urals, pp. 98-103.
- Sirotin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogilnika Perevolochan v Zauralskoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Kurgan Cemetery was Perevolochan in Trans-Ural Bashkiria]. *Arheologiya i paleoantropologiya Evraziyiskih stepey i sopredelnyh territorij* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. MIAR, no. 13. Moscow, Taus Publ., pp. 323-338.
- Sirotin S.V., 2013. Katakombnye pogrebalnye kompleksy IV v. do n.e. mogilnika «Avlasovskie kurgany» iz Yuzhnogo Zauralya [Catacomb Burial Complexes of the IV Century BC Cemetery “Avlasovskie Kurgans” from the Southern Trans-Urals]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], no. 11 (37), part II, pp. 163-169.
- Sirotin S.V., 2017. Hronologiya i planigrafiya kurgannogo nekropolja Ivanovskie I kurgany v Zaural'skoy Bashkirii [Chronology and Planigraphy of Ivanovskie I Barrows Barrow Necropolis in the Trans-Ural Bashkiria]. *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their Environment: Proceedings of the VII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, The State Historical Museum of the Southern Urals, pp. 132-139.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 381 p.
- Stoyanov V.E., 1973. O mogil'nikah Zaural'sko-Zapadnosibirskoy lesostepi (ranniy zheleznyy vek) [About the Burial Grounds of the Trans-Ural-West Siberian Forest-Steppe (Early Iron Age)]. *Voprosy arheologii Urala* [Issues of Ural Archeology], iss. 12. Sverdlovsk, UrSU, pp. 44-57.
- Tairov A.D., 1998. Genezis rannesarmatskoy kul'tury Yuzhnogo Urala [The Genesis of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Arheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of Orenburg region], iss. 2. Orenburg, Dimur Publ., pp. 87-96.
- Tairov A.D., 2009. O transformatsii kul'tury kochevnikov Yuzhnogo Urala v kontse V – nachale IV v. do n.e. [About Transformation of Culture of the Southern Urals Nomads in the End V – Beginning IV Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 137-148.
- Tairov A.D., 2016a. Ranniy zheleznyy vek lesostepnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya [The Early Iron Age of the Forest-Steppe Zone of the Southern Trans-Urals]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza)* [Archeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 16-31.
- Tairov A.D., 2016b. Vzaimodeystvie naseleniya lesostepi i stepi Yuzhnogo Zaural'ya v VII–II vv. do n.e. [The Interaction of the Population of the Forest – Steppe and the Steppe of the Southern Trans-Urals in the VII–II Centuries BC]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza)* [Archeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 443-468.
- Tairov A.D., 2019a. *Yuzhnyy Ural v epohu rannih kochevnikov. Istoryya Yuzhnogo Urala* [The Southern Urals in the Era of Early Nomads. The History of the Southern Urals], vol. 3. Chelyabinsk, SUSU. 400 p.
- Tairov A.D., 2019b. Pamyatniki rannih kochevnikov na severo-vostochnoy periferii sarmatskogo mira [The Sites of the Early Nomads on the North-East Periphery of the Sarmatian World]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 97-109. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.8>
- Tairov A.D., Gavrilyuk A.G., 1988. K voprosu o formirovaniyu rannesarmatskoy (prohorovskoj) kul'tury [On the Formation of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. *Problemy arheologii Uralo-Kazahstanskikh stepey* [Problems of Archeology of the Ural-Kazakh Steppes]. Chelyabinsk, BSU, pp. 141-159.

- Tairov A.D., Gutsalov S.Yu., 2006. Etnokul'turnye processy na Yuzhnom Urale v VII–II vv. do n.e. [Ethnocultural Processes in the Southern Urals in the 7th – 2nd Centuries BC]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archeology of the Southern Urals. Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 312–341.
- Tairov A.D., Shapiro A.D., 2024. Novye antropomorfnye figurki iz lesostepnogo Zaural'ya [New Anthropomorphic Figurines from the Forest-Steppe Trans-Urals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 24, no. 2, pp. 333–347. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.019>
- Terekhova L.M., Chemyakin Yu.P., 1983. Novyy mogil'nik rannego zheleznogo veka v Chelyabinskoy oblasti [A New Burial Ground of the Early Iron Age in the Chelyabinsk Region]. *Istoriya i kul'tura sarmatov* [History and Culture of the Sarmatians]. Saratov, SSU, pp. 129–138.
- Fedorov V.K., Vasil'ev V.N., 1998. Yakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v Bashkirskom Zaural'e [Yakovlevka Mounds of the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 1, pp. 62–96.
- Habdulina M.K., Malyutina T.S., 1982. Pogrebal'nyy kompleks V–IV vv. do n.e. iz Chelyabinskoy oblasti [Funeral Complex of the 5th – 4th Centuries BC from the Chelyabinsk Region]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 170, pp. 73–80.
- Sharapova S.V., 2022. *Drevnosti rannego zheleznogo veka lesostepnogo Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri* [Antiquities of the Early Iron Age of the Forest-Steppe Trans-Urals and Western Siberia]. Yekaterinburg, IHA UB RAS. 208 p.
- Shorin A.F., 1996. O roli mezhovskoy kul'tury Srednego Zaural'ya v formirovaniy ural'skih kul'tur rannego zheleznogo veka [On the Role of the Mezhovka Culture of the Middle Urals in the Formation of the Ural Cultures of the Early Iron Age]. *Aktual'nye problemy drevney istorii i arheologii Yuzhnogo Urala* [Current Problems of Ancient History and Archeology of the Southern Urals]. Ufa, Vost. un-t Publ., pp. 20–32.
- Yablonskiy L.T., 2016. A.H. Pshenichnyuk o rannih kochevnikah Yuzhnogo Priural'ya [A.H. Pshenichnyk About the Nomadic Tribes of Southern SicUrals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 16, pp. 96–100. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.006>
- Yagodin V.N., 1990. Kurgannyy mogil'nik Devkesken-4 [Burial Mound Devkesken-4]. *Arheologiya Priaral'ya* [Archeology of the Aral Sea Region], iss. IV. Tashkent, Fan Publ., pp. 8–81.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Ugé M.-C., 2002. *Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997. Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale. T. XI*. Paris, Diffusion de Brocard. 291 p.

Information About the Author

Nikita S. Savelev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Archaeological Research, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

Информация об авторе

Никита Сергеевич Савельев, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>